

№9
Сентябрь 2009

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Театр-студия юного актера
«Золотое крыльцо»

Тбилисского государственного русского драматического театра
имени А.С.Грибоедова и
Международного культурно-просветительского Союза
«Русский клуб»

объявляет набор

учащихся с 5-го по 11-й классы, желающих получить навыки
актерского мастерства, участвовать в художественных и концертных
постановках и спектаклях.

Претендентам необходимо обладать творческими способностями.
По окончании средней школы воспитанники театра-студии получат
приоритетное право при зачислении в русскую группу
факультета драмы Тбилисского государственного университета
театра и кино им.Ш.Руставели.

Прослушивание состоится 11 октября с 12 до 14 часов в здании
театра имени А.С.Грибоедова
по адресу: пр.Руставели,2 (вход со двора).

Обучение бесплатное.

Начало занятий с 15 октября.
Справки по телефону: 99 77 06
www.russianclub.ge

Администрация театра

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Донара Канделаки,
Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга, Нино Цитланидзе

№9
(48)
Сентябрь 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	СВЕРХЗАДАЧА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ	4
ДАЙДЖЕСТ	«МЫ БЫЛИ В ГРУЗИИ...»	8
СОТРУДНИЧЕСТВО	ВОССТАНОВИТЬ МОСТЫ ДОВЕРИЯ	10
ЮБИЛЕЙ	СТАРЫЙ ДРУГ, НО СОВСЕМ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК	11
ФЕСТИВАЛЬ	«НА ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛЕ СОБИРАЮТСЯ ГОСТИ...»	14
	МИР ВНУТРИ СЛОВА	16
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ	18
ТВОРЧЕСТВО	ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА	21
ПАМЯТЬ	В НЕБЕ СОЖЖЕННЫЕ КРЫЛЬЯ	24
ШЕДЕВР	«ДУМЫ МОИ НЕСЛИСЬ В АБАСТУМАН»	27
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ	30
НАУКА	ПАМЯТНИК ГОРДОСТИ И СКОРБИ	33
ЗНАЙ НАШИХ!	ГОРДОСТЬ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА	35
О, СПОРТ!	КАК ПРОРУБИЛИ ОКНО В МИР	40
НАШ КАЛЕНДАРЬ	МАСКА, Я ВАС ЗНАЮ	44
РУССКИЙ МИР	«МОСКОВИЯ» - ПОДАРЕННОЕ ЛЕТО	45
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ	В ПОИСКАХ СВОЕЙ АМЕРИКИ	48
ПАЛИТРА	ТОЛЬКО САМ ПО СЕБЕ	50
ПРОЩАНИЕ	УТРАТА	54

На обложке - храм Александра Невского в Абастумани. 2009
Фото Теймураза Бараташвили

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

СВЕРХЗАДАЧА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире». Ялта, 2009

Московский Фонд международного сотрудничества имени Юрия Долгорукого (МФМС) недавно отметил свое 10-летие. Он является одной из основных структур Правительства Москвы, занимающихся поддержкой общественных объединений русской диаспоры за рубежом в разных сферах — экономической, социальной, правовой, культурной, образовательной. Председатель Правления Фонда с 2003 года — руководитель Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Г. Л. Мурадов, директор — В. С. Зуев.

О деятельности Фонда, активной и многосторонней, мы говорим с заместителем директора Фонда Олегом Вольдемаровичем Саниным.

- Олег Вольдемарович, расскажите, пожалуйста, когда и как создавался Фонд?

- Он был учрежден в 1998 году распоряжением мэра Москвы Ю.М. Лужкова, который с момента осно-

вания Фонда является бессменным Председателем его Попечительского Совета. Он создавался для того, чтобы работать с соотечественниками и их организациями за рубежом. Основное направляющее движение Фонда, если хотите, его сверхзадача — консолидация русской диаспоры за рубежом. С декабря 2007 года после изменений в Уставе Фонда и расширения реализации международных программ Москвы, организация носит название Московский Фонд международного сотрудничества имени Юрия Долгорукого. Значительно расширилась работа с соотечественниками, проживающими в странах СНГ и Балтии, тем более, что опыт работы в этом направлении уже приобретен немалый. Еще в 1996 году Правительство Москвы начало выделять средства для соотечественников, которые после развала Союза проснулись в другой стране. Особо следует отметить, что все финансирование идет только из бюджета города Москвы. Других источников финансирования у Фонда

нет. Решение о проведении каких-либо акций принимает Департамент внешнеэкономических и международных связей г. Москвы, а непосредственно организует и проводит мероприятия МФМС.

- Основные направления деятельности Фонда?

- В целом это три ведущих направления: подде-

- В восстановлении русских церквей вы тоже участвуете?

- Нет, по законам города Москвы мы не можем участвовать ни в каком строительстве, ни в каких восстановительных работах за пределами города. Фонд безвозмездно передает в храмы церковную утварь и литературу, участвует в проведении и финансировании фестивалей под эгидой РПЦ. Например, в прошлом году в Эстонии проходил фестиваль православной музыки. Мы пригласили туда русский ансамбль православной музыки, финансировали их выезд и концертную программу. Хочу подчеркнуть, что все наши мероприятия

В.М.Платонов, В.С.Зуев, О.В.Санин

держка общественных объединений русской диаспоры, поддержка русского языка, образования и культуры. Деятельность МФМС очень разнообразная, охватывает чрезвычайно широкий.

Во-первых, правовая защита русскоязычного населения. Мы финансируем привлечение зарубежных адвокатов, которые в судебных спорах представляют и защищают интересы соотечественников. Обычно это дела, в которых есть политическая подоплека: ущемление законных прав, интересов, преследования по политическим убеждениям. К тому же, проводится комплексный мониторинг правового, социально-экономического и политического положения в русских диаспорах за рубежом. Но прежде всего это поддержка общественных организаций и объединений соотечественников. Мы не работаем с конкретными людьми, только с общественными организациями.

- Неправильными?

- Безусловно. В своей благотворительной деятельности Фонд также уделяет большое внимание приходам Русской православной Церкви Московской Патриархии за рубежом (в том числе вновь создающимся), оказывает им материальную поддержку.

проводятся только за рубежом.

- «Соотечественник» - понятие чрезвычайно широкое, его можно трактовать по-разному, диапазон так велик...

- Мы пришли к определению, что соотечественник - это тот человек, который участвует в работе общественной организации российских соотечественников за рубежом. Вне зависимости от национальности, ведь Россия многонациональное государство, и общественные организации объединяют не только русских людей. Так что национальный вопрос ни в коем случае не стоит во главе угла: если человек ощущает себя в душе соотечественником, он им и является.

- В чем заключается поддержка общественных организаций соотечественников?

- Кроме правовой, МФМС оказывает экономическую и социальную помощь нашим соотечественникам. У нас выделяются средства на медицинскую помощь и на местах, и на базе московских лечебных учреждений. В этом случае мы работаем с конкретным человеком по ходатайству общественной организации. Мы оплачиваем дорогу туда и обратно, лечение и медикаменты. Кроме того, приобретаем медицинские приборы индивидуального пользования — слуховые аппараты, для измерения давления, глюкометры — то, что нужно определенному человеку. И, конечно, Фонд оказывает

Дар Фонда православной церкви в г.Саласпилс (Латвия)

материальную помощь ветеранам Великой Отечественной войны, инвалидам войн и членам их семей, а также пострадавшим от стихийных бедствий или конфликтов на национальной почве. Мы организуем установку мемориальных досок выдающимся российским соотечественникам в странах ближнего и дальнего зарубежья, заботимся об охране памятников и некрополей русской славы.

- Хотелось бы подробнее узнать о культурных и образовательных программах МФМС.

- Это очень важное направление нашей деятельности - поддержка культуры, образования, сохранение русского языка. Фонд помогает объединениям российских соотечественников в реализации культурных, образова-

тельных, информационных и издательских проектов, а также гуманитарных, социальных и благотворительных программ. Неоднократно за рубежом при поддержке МФМС проводились международные фестивали и конкурсы (в том числе детско-юношеские), направленные на сохранение и поддержку русского языка и культуры, финансируются поездки детских творческих коллективов соотечественников для участия в московских конкурсах и фестивалях. Мы также поддерживаем музеи, которые связаны с русской культурой, и русские драмтеатры за рубежом. Театрам помогаем с финансированием постановок, сценического оформления, костюмов. Например, Ереванскому театру недавно поставили деревообрабатывающие станки для изготовления декораций. Устраиваем театральные обмены, включая постановку спектаклей русских драматургов, организуем выступления московских артистов в разных странах, финансируем проведение русских национальных праздников. Среди учителей русского языка и литературы, живущих за рубежом, регулярно проводится Пушкинский конкурс. Его тема каждый год разная, она объявляется в «Российской газете», отбираются лучшие из присланных работ, а победителей мы приглашаем на четыре дня в Москву, на праздник День города.

- А для молодых соотечественников какие-то поощрения предусмотрены?

- Вот уже в течение нескольких лет реализуется программа «Стипендия Мэра Москвы» для студентов из семи стран СНГ и Балтии, обучающихся там на русском языке. 27 тысяч рублей в год мы вручаем каждому стипендиату, они отбираются на местах попечительскими советами, в которых мы тоже участвуем. Они собираются два раза в год, и при этом определяется список стипендиатов. Ротация стипендиатов проходит по рекомендации попечителей из соответствующих учебных заведений на основании материального положения, успеваемости и участия в общественной жизни русской диаспоры: одних удаляют из программы, других берут. Стипендия назначается на 6 месяцев, это 13,5 тысяч рублей. Всего мы выплачиваем 240 стипендий. Еще один важный момент — Фонд также финансирует обучение

соотечественников в Москве на базе четырех городских высших учебных заведений, проплачивает их обучение и стипендию.

- Проблема сохранения русского языка в ближнем зарубежье сегодня очень актуальна. Что реально принимается для его сохранения, продвижения?

- Большое значение мы придаем содействию организациям соотечественников в проведении конференций, симпозиумов, «круглых столов», международных форумов, посвященных этой теме. Это важно и с точки зрения консолидации диаспоры, а также для обсуждения и решения сегодняшних проблем, состояния русского языка в их странах проживания. Фонд заботится об оснащении славянских университетов и Центров рус-

ского языка (поставка учебников, компьютерной техники), занимается пополнением библиотечных фондов объединений соотечественников, причем, по их заявкам — посылается то, что необходимо именно этой библиотеке. Идет поставка учебников в школы — и русскоязычные, и те, где русский язык проходит как иностранный. Это разная методика обучения, соответственно, и разная литература. Мы стремимся к взаимодействию с общественными, молодежными, творческими организациями соотечественников. Без такой координации невозможно реализовать совместные проекты.

- Какие акции Фонда в сфере культуры можно отметить как наиболее значимые?

- С 2004 года Фондом ежегодно проводится конкурс для литераторов, пишущих свои произведения на русском языке. МФМС финансирует Международную литературную премию имени Юрия Долгорукого, с вручением лауреатам специального знака и денежной премии. Среди задач конкурса — открывать и поддерживать истинно талантливых литераторов, способствовать тому, чтобы их произведения были известны широкому кругу читателей. Началось все с Украины. Нашим партнером в Киеве был русскоязычный литературный журнал «Радуга», ему уже исполнилось 50 лет. Там занимались первичным отбором произведений, опубликованных за последние два года. Это составило примерно 250 литературных произведений, они их рассматривали и 30-40 передавали нам. А здесь жюри принимало решение.

- Сначала премия вручалась только в Украине?

- Да, первые четыре года. В этом году присоединили к этой премии и другие территории СНГ. Мы уже про-

дой страны, а из всех стран Южного Кавказа. Так что награждено будет три произведения, не важно из какой страны. Каждая премия четыре тысячи долларов США, а лауреат конкурса получает одну тысячу долларов США. Число лауреатов может быть два или четыре, в зависимости от того, кто достоин награды.

- А если это пьеса, которая не издана, а поставлена в театре?

- Для сценического произведения главное, чтобы оно шло в театре. Все это принимается и, поверьте, рассматривается вполне грамотными людьми. Жюри смешанное, в нем не только литературные критики, но уважаемые люди, мы уверены в их добропорядочности и честности. Все произведения обезличенные. Если они поступают в книги, мы даже обрываем выходные данные и так отдаем на рецензию литературным критикам. А к нам на комиссию они поступают уже рецензированными, и мы принимаем решение, какое произведение заслуживает премии. Вот такой многоступенчатый отбор. Этим мы стараемся исключить субъективизм и кумовство, которые неизбежны в творческих объединениях. В жюри участвуют руководители творческих союзов, но решающую роль они не играют. Мы стараемся разделить читателей и писателей. Писатели пусть пишут, а мы будем читать и оценивать. Если нашего опыта и знаний не хватит, мы привлечем профессиональных критиков.

- Сроки проведения конкурса?

- В связи с тем, что возник большой дефицит городского бюджета, литературная премия в странах Южного Кавказа и Средней Азии переносится на будущий год. Я думаю, мы проведем ее в первой половине 2010 года после принятия нового бюджета города Москвы в декабре. Тогда уже станет ясно, на какое количество премий мы можем рассчитывать.

- Значит, в будущем году мы можем ожидать, что вы заглянете в Тбилиси? Вы бывали там?

- Конечно, и не раз. Бывал и в Тбилиси, в прошлом году в Батуми — оказание материальной помощи соотечественникам.

- И каково ваше восприятие сегодняшней Грузии?

- Грузия стала другой по сравнению с той, которую я помню в середине 70-х годов, когда часто приезжал в гости к друзьям в Тбилиси. Остались яркие воспоминания — цветущий город, проспект Руставели с множеством прогуливающих, хорошо одетых, красивых и приветливых людей, живущих в состоянии праздника. Сейчас это как будто другой город, другие лица.

- Да, в Грузии многое изменилось. Все это отражено в новейшей литературе, особенно в драматургии. Вы сами убедитесь в этом после литературного конкурса. Ну, а с другой стороны, все человеческие качества остаются и в этой Грузии, которая так контрастна прежней.

- Это как у Булгакова Воланд говорил, что москвичи все те же, только квартирный вопрос их испортил. И тбилисцы прежние, но экономическая ситуация на них подействовала. А так и грузины, и русские — все те же. Два народа, которые всегда жили вместе, у которых культурно-духовное родство всегда было и останется. Не вытравишь его никакими негативными политическими реформами.

Заседание попечительского совета

вели конкурс в Украине, Молдавии и Приднестровье, объединив их в один куст. Прошло также награждение литераторов Прибалтики, мы объединили Литву, Латвию и Эстонию. Теперь на очереди страны Южного Кавказа и Средней Азии. Координационные советы этих стран будут отбирать уже изданные произведения писателей, пишущих на русском языке.

- Изданные где?

- Это не принципиально. Лишь бы человек жил на территории той страны и писал на русском языке. При этом для награждения мы будем выбирать не из каж-

Александр Эбаноидзе и Наталия Соколовская

«МЫ БЫЛИ В ГРУЗИИ...»

*Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край...*

Борис Пастернак

Вот что значит классика. Почти восемьдесят лет прошло, а как читается... Удивительно читается. Каждая фраза обросла новыми смыслами, двоится, зеркалит. Вот хоть самая первая. Где, например, ставить ударение? На «мы»? Но кто эти «мы»? Кто-то на самолете добирается через Киев, Баку или Ереван (видимо, простые граждане должны расплачиваться за вредительскую деятельность дипломатических ведомств обоих государств). Кто-то въезжает на гораздо более приземленных средствах передвижения. Так что это «мы» — весьма разнородно по своему составу.

Теперь сделаем ударным глагол «были». Спустя почти восемьдесят лет он стал совсем грустным. Вероятно, необратимым. Некоторая, далеко не большая часть россиян осознает величину и горечь потери (не в смысле потери имперской составляющей, а в смысле потери единоверного братского народа. Изрядно политики обоих государств потрудились не на благо своих стран).

Самое бесспорное в этой строке слово — «Грузия»: имя собственное, географическое название, топоним, хороним («хороним») — не глагол несовершенного вида, как бы этого кому ни хотелось, а один из топонимических классов: название государства).

Во второй строке почти все по-прежнему. И нужда

присутствует, помноженная на нежность (свидетельствую). И рай налицо — климатический. И ад — геополитический.

Третья строка самая, казалось бы, бесконфликтная, никакого двойного дна: растет здесь все хорошо, как в теплице, над которой ледяные вершины гор. Красота. Правда, это может кого-то раздражать. А тут еще через такое роскошество нефтепровод пустили, обойдя бывшего «большого брата». В целом нехорошо получилось...

Наконец, строка четвертая. О местоимении «мы» — см. выше. Последний глагол — «получим». Коварно омонимичный глагол. В современном контексте он может рассматриваться не как результат арифметического действия («теплица» + «лед» = «этот край»), а как уже частично воплотившийся результат хватательного рефлекса.

И все-таки — мы были в

Грузии. На поэтическом фестивале «В поисках золотого руна». Мы — литераторы из Москвы, Петербурга, Тбилиси, русскоязычные поэты с Украины, из Белоруссии, Прибалтики, Грузии, Америки, Франции, Голландии, Италии, Швеции, Израиля... А еще болгары и итальянка (говорят на русском). И вот весь этот Ноев ковчег прибил (спасибо Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб» и Международной федерации русскоязычных писателей) к берегу Колхиды.

Вышло так, что и в нынешнее время Грузия не утратила функцию поэтического пристанища. А в памятные всем еще времена она была и поэтическим (читай: политическим) прибежищем. Да и в незапамятные тоже («Быть может, за стеной Кавказа / Укроюсь от твоих пашей...»). Проводить такое мероприятие в нынешних политических реалиях — определенная фронда по отношению к официальному курсу и Москвы, и Тбилиси. Властям мирским (обеим, они вообще подозрительно похожи) удобнее было нас не заметить. Но церковь (в лице патриарха Кирилла и католикоса-патриарха Илии II) отозвалась приветствием и благословением. Для нас же — и грузино-, и русскоязычных участников — момент истины, подтвердившим, что политики не сумели пока уничтожить наше общее духовное пространство, стал вечер 22 июня, когда мы в течение нескольких часов, ставя еще и еще раз, слушали диск с записью песен Великой Отечественной в исполнении грузинских артистов и подпевали, рискуя сорвать голоса.

Места, где мы находились, были аккурат те, куда в августе прошлого года вошли со стороны Абхазии российские танки с операцией «по принуждению к миру» (фантастический оксюморон, подарок лингвисту). Мы могли ждать холодного приема. Но в древнем городе Археополисе (Нокалакеви) милейшая женщина-экскурсовод смущенно извинилась за свой русский язык: «Простите, но очень, очень давно не приезжают туристы из России!» А хозяин ресторана в Сенаки, умудрившись вложить все возможные горько-ироничные интонации в восклицание: «Русских я уже с прошлого августа не видел!», широким жестом пригласил нас к столу, накрытому в лучших местных традициях. В Поти (древнегре-

ческий Фазис), несмотря на выходной, специально для нас открыли Музей Колхиды, и в прохладно-сумеречных залах мы рассматривали фрагменты утвари и орудий труда третьего-второго тысячелетия до н. э., женские украшения и наконечники копий, монеты: не все прихватил с собой воришка Ясон. Про древние амфоры наш экскурсовод, сделав неподражаемый жест рукой, замечает: «Этого у нас много, целый подвал. Море до сих пор выбрасывает. Уже не принимаем от населения».

Потом на потийском рынке я ищу сумку для контрабанды (без грузинского вина, боюсь, домой не пустят). Старшее поколение еще вполне прилично говорит по-русски. Молодежь практически нет. Сумки находят в лавочке, где продавцы — китайцы (!). Эти тоже не говорят по-русски. Зато говорят по-грузински. Но значительно хуже меня и с сильным китайским акцентом.

В Поти от собора Покрова Пресвятой Богородицы лучами расходятся двенадцать улиц. Они плохо приспособлены для передвижения на танках.

...Тбилиси изменился за те пять лет, что я здесь не была. Например, появились платные лифты. Опускаешь монетку — едешь. Деньги идут на обслуживание. Другие перемены не столь забавны. В Старом городе (между Колхозной площадью и Майданом) на месте старых домов новострой, как вставные зубы. В центре появились типовые стекляшки (как в Москве и Питере, но здесь настолько непредставимы, что выглядят еще отвратительнее). Под предлогом ветхости в одночасье сносятся старые дома (знакомая картина, не так ли?).

Участники акции на проспекте Руставели в Тбилиси. 2009

На проспекте Руставели закрыты знаменитые «Воды Лагидзе», зато открыты дорогие бутики. Теперь вместо божественного запаха прожаренных кофейных зерен — стандартный набор парфюмерных ароматов. Памятник Руставели стоит, если смотреть с проспекта, прямо на фоне «Макдоналдса», наивно маскирующегося под местную архитектуру.

Проблема визуализации вертикали власти (привет дядюшке Фрейду) в Грузии решается примерно так же, как в России. Правда, здесь можно не возводить многометровых средних пальцев: горный ландшафт позволяет сэкономить на стройматериалах. Президентский дворец виден чуть ли не из любой точки города, и его подсвеченный стеклянный купол золотится в ночи, навязчиво рифмуясь с золотым куполом новой церкви Святой Троицы (кстати, золоченые купола — явление, совершенно не характерное для грузинских церквей). На площади Свободы вместо серого, как мышь, Ильича, теперь возносится, слепя окружающих, композиция из коня и человека, в которой с трудом узнается Георгий Победоносец. Католикос освящать сего золотого идола отказался. Одно радует: за спиной чудича высится прекрасная и лаконичная фигура матери-Грузии.

Тбилиси — маленький город. Слухи разлетаются быстро, удесятеряться, как горное эхо. А тут и Медведев с Обамой встречаются, и годовщина августовских событий не за горами. Чего ждать, когда рассчитывать, по сути, не на кого? Самым нестерпимым было, когда люди, рядом с которыми прошла лучшая часть моей жизни, спрашивали: «Скажи, неужели нас будут бомбить?» «Если будут бомбить, я останусь», — отвечаю. А что я могу еще сказать? Но вот я здесь. А они там. Их не бомбят — но какво растить детей и внуков в этом «режиме ожидания катастрофы», чувствуя себя разменной монетой в глобальных геополитических передерягах, не имеющих ничего общего с их собственными жизнями?

В августе прошлого года девятилетняя грузинская девочка, живущая в Петербурге, безошибочно сформулировала вопрос: «Почему наши в наших стреляют?» В сознании потийского мальчугана с разрисованной национальным флагом щекой мы друг другу уже не свои. И в этом наше общее главное поражение.

Наталия СОКОЛОВСКАЯ
«Новая газета», № 57
6 - 9 АВГУСТА

ВОССТАНОВИТЬ МОСТЫ ДОВЕРИЯ

ного союза Общегражданского Движения «Многонациональная Грузия» Александрой Калатозишвили, руководителем Союза русской молодежи Грузии Александром Беженцевым, председателем НПО «Новое поколение - новая инициатива» Коки Ионатамишвили и другими были представлены конкретные совместные инициативы, поэтапное осуществление которых намечено уже с начала августа.

Участники также договорились принять меморандум о сотрудничестве, текст которого будет составлен к началу осени рабочей группой, состоящей из представителей обеих стран.

Помимо рабочих сессий, программа встречи включала посещение делегациями посольств своих стран во Франции. Члены грузинской делегации побывали в Посольстве Грузии во Франции, где состоялась получасовая встреча со Чрезвычайным и Полномочным послом Зурабом Чиберашвили, на которой особый акцент делался на важность сотрудничества и обмена информацией с грузинским диппредставительством при организации подобного рода мероприятий.

В целом успешность встречи можно оценить по одному критерию - реализации хотя бы части проектных идей. Но это - дело времени. Но уже сейчас можно сказать, что встреча в Страсбурге была успешной - был создан фундамент, на котором будет основываться дальнейшее сотрудничество между молодежью обеих стран, ведь любая площадка, где можно оценить позиции гражданского общества, любой диалог будут способствовать восстановлению мостов доверия.

Александр МИХАЙЛОВ

СТАРЫЙ ДРУГ, НО СОВСЕМ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Александр Эбаноидзе и Кайсын Кулиев. Нурекская ГЭС. 1983

Встреча представителей национальных советов молодежных организаций Российской Федерации и Грузии состоялась во французском городе Страсбурге. Ее основной задачей была выработка конкретных проектных идей, позволяющих развивать сотрудничество между неправительственными организациями России и Грузии, в частности, в рамках межкультурного диалога. Особую «пикантность» встрече придавал состав участников, мнения которых по многим вопросам различались, что позволяло взглянуть на ту или иную ситуацию с разных точек зрения, понять оппонента и выразить собственную позицию.

Несмотря на то, что у участников были разные взгляды на августовские события прошлого года, было принято решение не давать политических оценок, не политизировать диалог, после чего работа в рамках встречи пошла гораздо продуктивнее, были достигнуты определенные договоренности в плане дальнейшего сотрудничества в рамках молодежной работы. Мнения большинства участников сошлись в одном: сегодня молодежь должна приложить все усилия, чтобы как минимум не оказаться перед угрозой потери тех малочисленных, но все еще связывающих нас факторов (общекультурных, исторических, родственных, соседских и т.д.).

Таким образом, к концу трехдневной встречи участниками из России, в их числе членами Государственной думы, муниципалитетов, Общественной палаты, а также их коллегами из Грузии - исполнителем директором Общегражданского Движения «Многонациональная Грузия» Агитом Мирзоевым, председателем молодеж-

Грузинская делегация в Страсбурге

Сашей Эбаноидзе я познакомилась в возрасте Джульетты, в соответствующей обстановке – во дворце графа Воронцова, где в те далекие годы располагался Тбилисский Дворец пионеров и школьников, куда нас привела страстная любовь к литературе. Хотя мы были ровесниками, Саша уже выглядел классиком, так его и воспринимали наши замечательные руководительницы: Валентина Грязнова и Кето Ананиашвили – женщины ушедшего поколения той особой интеллигентности, унаследованной от XIX века.

На фоне весьма хрупких юных дарований Саша смотрелся настоящим богатырем, он уже готовился стать чемпионом Грузии по метанию молота и очень скоро стал им. В нашем небольшом кружке выделялся Валерий Дунаевский, очень талантливый парень, чуть постарше нас, писавший стихи и прозу. До сих пор помню его прекрасную поэму о Маяковском и рассказ на уровне Зощенко «Пуся голосует». Никто и подумать не мог, что в 1957 году творчеством Валерия заинтересуются компетентные органы, а нас всех вызовут в КГБ с настоятельной просьбой поделиться впечатлениями о творчестве коллеги. Не все выдержали многочасовые допросы любознательных следователей, но Саша держался достойно, как это было ему свойственно всегда. Трагическая история с Валерием Дунаевским описана Сашей в романе «Вниз и вверх» (1989).

Мы защищали Валерия как могли, но спасти его не

удалось, слишком суровое было время. Отбыв изрядный срок и, наконец, выйдя на свободу, Дунаевский эмигрировал в Израиль, где я встречалась с ним в 90-х годах и надеюсь, что все у него в порядке.

Саша любит писать о том, что пережил сам, что глубоко прочувствовал, хотя, разумеется, ему не занимать ни богатого воображения, ни творческой фантазии. В одном из романов «Ныне отпущаеши ...» (1996) он пишет об апрельских событиях в Тбилиси 1989 года и о том, что за ними последовало. При всем при этом он присутствовал и об этом никогда не забудет ни он сам, ни его читатели. В его прозе присутствует толстовская основательность, не зря из всей русской литературы он предпочитает именно Толстого, а никак не Достоевского.

Долгие годы наши судьбы развивались параллельно. Мы оба поступили на филологический факультет Тбилисского государственного университета, где Саша успевал внимать прекрасным преподавателям и ухаживать за самыми хорошенькими девочками. Не успели мы завершить первый курс, как в университет заглянул добрейший Эдик Элигулашвили, тогда уже известный критик и переводчик. Сообщил он интересную новость: Союз писателей Грузии приглашает молодых поэтов и прозаиков попробовать свои силы в конкурсе, объявленном московским Литературным институтом им.М.Горького, для поступления на отделение художественного перевода с грузинского на русский. Мы благополучно прошли это испытание и в сентябре 1958 года уже были студентами – москвичами и окунулись в

бурную жизнь литературной столичной богемы. Одновременно с нами (на два курса старше) в Литинституте, расположенном в уютном Доме Герцена в центре старой Москвы, учились лидеры поэтов-шестидесятников: Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Евгений Евтушенко и многие другие. Правда, у первых трех были большие неприятности, их отчислили исключительно по политическим мотивам под прикрытием самых нелепых обвинений. Выпали испытания и на долю прибывших из Грузии будущих переводчиков – с нас потребовали подписать коллективное письмо с требованием исклю-

Студенческие годы в Литинституте

чить Бориса Пастернака из Союза писателей. Надо ли говорить, что Саша, как и вся грузинская группа, никакого письма не подписывал и не понес к зданию Союза плакаты «Долой иуду Пастернака из России», как это

сделало, к сожалению, основное большинство студентов. Я понимаю, что сегодня поведение Саши выглядит как обычная человеческая порядочность, но поверьте, тогда это был серьезный политический поступок, хотя в отличие от меня и многих других Саша никогда не был диссидентом – у него была собственная, совершенно независимая позиция, свой взгляд на самые серьезные вещи, что я бы сформулировала, как гражданский оптимизм.

Учась в Москве у самых разных преподавателей, среди которых были как «идейные патриоты», так и просто блестящие специалисты (достаточно назвать профессоров А.А.Тахо-Годи или С.М. Бонди), мы не теряли тесной связи с Грузией. Каждое лето мы ездили в Тбилиси, где слушали лекции самых лучших грузинских ученых. Фольклор нам преподавала Елена Вирсаладзе, классическую литературу – Соломон Хуцишвили, литературу XX века – Бесо Жгенти. Никогда не забуду одну из его лекций (они проходили в знаменитом особняке Союза писателей Грузии), когда Бесарион Давыдович вдруг спросил: «А вы знаете, где мы сейчас с вами находимся? В этом кабинете застрелился Паоло Яшвили, накануне получивший повестку в НКВД. Тициана тогда уже забрали, и он, наверное, предполагал, что ждет его самоубийство». Наши педагоги были свидетелями и участниками великих и страшных событий прошлого века. Благодаря им, мы впитали в себя самую соль событий.

С историей грузинского искусства нас знакомили

уникальные специалисты – Александр Иванович Джавахишвили и Вахтанг Вуколович Беридзе. Их глазами мы научились видеть древние памятники грузинского зодчества, крепости, храмы, фрески, картины, скульптуры.

Семинаром по переводу грузинской прозы в стенах Литинститута руководила наша незабвенная Фатьма Антоновна Твалтвадзе – умница, красавица, аристократка, дружившая с Тицианом и Паоло, с тбилисской и московской творческими элитами на протяжении всей своей жизни. По-моему, она знала всех выдающихся деятелей своего времени – Пастернака, Пильняка, Антокольского, Заболоцкого, и все, конечно же, знали и любили ее.

Я так подробно перечисляю имена наших воспитателей еще и потому, что Саша, как и я сама, обязаны им всем, чего мы достигли. Именно эти люди удесятирили свойственное каждому грузину чувство любви к Родине. А Саша с самого детства был привязан к деревне своего отца и деда. До сих пор он ездит в Дзирулу при каждом возможном случае. Живо и неповторимо он рисует имеретинские пейзажи в своей прозе, получившей высокую оценку у читателей и критиков Грузии и России. Хотя роман «...Где отчий дом» (1982) написан по-русски, он весь пропитан грузинским духом – это и характеры, и быт, и коллизии, и проблемы. Первый, и самый знаменитый роман «Брак по-имеретински» (1968-1973) переведен на многие языки мира, был экранизирован, поставлен на сцене, многократно переиздавался, и все это с неизменным успехом.

Не скажу ничего оригинального, назвав главной темой творчества Саши любовь к Грузии, хотя и Россия с ее культурой и литерату-

рой, разумеется, оказала на его творчество огромное влияние. По мнению московских критиков, у Александра Эбаноидзе прекрасный русский язык – богатый, чистый, выразительный (но мне лично слышится в его прозе неуловимый, легкий грузинский акцент). Совсем не случайно вот уже 15 лет он является главным редактором одного из самых крупных московских журналов «Дружба народов» и свободно ориентируется не только в современной русской литературе, но и великолепно знает литературу бывшего СССР. Тонкий вкус, независимость суждений, доброжелательность, искренность помогают ему привлекать в журнал самых одаренных авторов. Так что Россия многое дала Саше, но и он не остался в долгу. Недавно, когда резко обострились русско-грузинские отношения (а трещина прошла прямо через его сердце) кто-то из участников очередного писательского форума искренне удивился: «Я не понимаю, как вы умудряетесь одновременно быть грузинским националистом и русским патриотом?!»

Мне кажется в этой формуле нет никакого противоречия. Как можно, ненавидя Грузию, любить Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Бальмонта, Пастернака и так далее до наших дней, всех, кто с таким восторгом писал об этой стране. Что же прикажете, запретить этих авторов?.. Или наоборот – как обедним мы Грузию, лишив читателя посвященных ей произведений русской классики, или позабыв о тех великих русских, которые переводили на свой язык шедевры Руставели,

С сыном Игорем

Бараташвили, Пшавелы, Галактиона.

Саша не только относится к числу писателей и общественных деятелей, пытающихся сохранить рвущиеся на глазах культурные связи, но он, можно сказать, возглавляя эту немногочисленную группу грузинской и русской интеллигенции, изо всех сил сдерживает натиск рвущихся резать по живому. Назначенный главным редактором в 1995 году, когда журнал фактически прекращал свое существование, Саша за полгода невероятных усилий вернул его к жизни. Теперь жители новых независимых государств, а также западные читатели имеют почти единственную возможность узнать о новых именах, новых произведениях, созданных в нынешних независимых государствах. Если в распавшемся гигантском образовании было что-то ценное, то это, несомненно, общее культурное пространство, объединявшее таких разных писателей, как Грант Матевосян и Нодар Думбадзе, Ян Кросс и Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов и Светлана Алексиевич – всех не перечислить. Смело можно утверждать, что отметивший в этом году свое 70-летие журнал, как и его главный редактор (хорошее совпадение!) выходит в свет исключительно благодаря энтузиазму Саши, его маленькому коллективу и горстке людей, обладающих каким-то минимумом власти, понимающих, чем может быть чреват культурный распад бывшей державы и поэтому оказывающих скромную материальную поддержку этому уникальному изданию.

Особо хочется подчеркнуть роль Саши в период августовского конфликта. С первых же дней постигшей Грузию трагедии на московских и зарубежных радиостанциях зазвучал спокойный голос грузина, пишущего по-русски и прожившего в России большую часть жизни, любимого читателями обеих стран, отвергающего ложь, клевету, откровенные попытки посеять рознь между народами, еще пуще разжечь войну. Этот человек был правдив, спокоен, убедителен, он обращался к истории и современности, возражать ему было трудно, не имея на то никаких оснований, спорить – бессмысленно, у лжи короткие ноги. Его выступления были глотком кислорода среди грязных потоков вранья, оскорблений, искажения фактов, заливавших эфир, прессу, ТВ России, а подчас и Запада. Весь этот тревожный год Саша писал о конфликте, называя вещи своими именами, выступал на конференциях, встречах, форумах, ездил по стране, в ближнее зарубежье, разоблачая преступную политику тех, кому как воздух нужна война на Кавказе, поддерживая тех, кто призывает к миру и справедливости. Он выполнял одновременно работу целого министерства иностранных дел и распавшегося Союза писателей.

Ведь ни для кого не секрет, что люди, в течение десятилетий считавшимися друзьями Грузии, никак не откликнулись на нашу беду. Но Саша не осуждал их публично, это вообще не в его характере. Он склонен скорее понимать и прощать. Его дело, в конце концов, не политика, а литература.

Переводить грузинскую прозу он начал очень рано. Тесно сотрудничал с «Литературной Грузией», изда-

С давним другом Отиа Иоселиани

тельством «Мерани», еще больше публиковался в Москве. Его любимые авторы – Резо Джапаридзе, Отиа Иоселиани, Резо Инанишвили, Резо Чеишвили, Резо Мишвеладзе и многие, многие другие публиковались в его первоклассных переводах в московских журналах и издательствах «Советский писатель», «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Детская литература» и др. Одна из последних работ – это блестящий перевод романа современного грузинского классика Отара Чилладзе, широко известного всему миру и номинированного на Нобелевскую премию. Я имею в виду роман «Годори», поражающей не только достоинствами оригинала, но и высочайшим уровнем перевода. Я позволю себе сравнить русский текст, выполненный зрелым мастером, с такими вершинами русской переводческой школы, как «Дон Кихот» или «Кола Брюньон».

Кроме любимой литературы, у Саши есть любимый сын Игорь – талантливый, воспитанный, серьезно занимающийся немецкой философией, эссеист, переводчик, издатель. Странно, конечно, что у совсем молодого, полного сил и энергии человека, как Саша, уже есть внуки, и при этом он нежный, любящий дедушка – когда только все успевает! Отец Саши молодым погиб на войне, мама – дочь ссыльного поляка тоже ушла из жизни, но, слава Богу, она дожила до момента, когда Саша стал известным писателем. Как-то в разговоре Саша сказал мне, что ему хочется, чтобы после смерти его прах развеяли над горной речкой Дзирулой, протекающей через всю его жизнь и питающей все его творчество. Не время и не место говорить в юбилейные дни о таких грустных вещах, тем более что, думая о Саше, я всегда вижу одну и ту же картину: маленький смуглый мальчик прыгает со скалы в бурный поток никогда не виданной мною имеретинской речки. Ею будут любоваться его внуки и будущие правнуки, которые будут приезжать в родную деревню своего деда, пить молодое вино, дышать свежим горным воздухом и читать книги, оставленные им в наследство. Мравалжамиер!

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

«НА ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛЕ СОБИРАЮТСЯ ГОСТИ...»

ЭТА СТРОЧКА ИЗ ЦИКЛА «ГРУЗИНСКИЙ ДНЕВНИК» БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТЕССЫ ВАЛЕНТИНЫ ПОЛИКАНИНОЙ КАК НЕЛЬЗЯ ТОЧНО ПЕРЕДАЕТ ВЕСЬ ДУХ И ЗАМЫСЛ МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ, В ТРЕТИЙ РАЗ СОБРАВШЕГО НА ГРУЗИНСКОЙ ЗЕМЛЕ ПОЭТОВ ИЗ РАЗНЫХ УГОЛКОВ МИРА. А ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ЕЙ ЖЕ ДРУГАЯ СТРОЧКА ПОСЛУЖИЛА НАЗВАНИЕМ ДЛЯ ПРОШЛОГОДНЕГО ФЕСТИВАЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ». ИМЕННО С ЭТОГО МЫ И НАЧАЛИ НАШУ БЕСЕДУ.

- Валентина Петровна, как случившееся уложились в голове?

- Когда я приехала домой и узнала, что произошло, восприняла это как личную трагедию. Кажется, мне удалось почувствовать душу грузинского народа - необыкновенно добрую, глубокую, способную вместить и близких, и дальних. Можно однозначно сказать, что в народе никакой войны не назревало. Грузины - такие рапахнутые люди. Мы, белорусы, тоже очень дружелюбны. Поэтому узнав о войне, я была очень

Валентина Поликанина (вторая справа) на фестивале в Грузии. 2009

подавлена... Цикл стихов «Грузинский дневник» был написан под ярким впечатлением довоенных событий, полон воспоминаний о царственной природе Грузии, ее людях, памятниках архитектуры. Последнее стихотворение «За четырнадцать дней до войны» написано с болью, с душевным плачем и направлено против любой войны, как величайшего зла на земле. Для меня было большой неожиданностью, что строчка из моего стихотворения стала названием фестивального сборника. Думаю, так случилось потому, что они написаны искренне, правдиво. Ведь слово сохраняет силу, энергию, теплоту человека.

- Что вас особенно привлекает в Грузии?

- Грузия стала для меня открытием. Все началось с увиденного, с природы, не похожей на нашу белорусскую, и, конечно, с восприятия людей, их психологии, творчества, культуры. Я ездила по Грузии и понимала, что гости здесь - свои люди. Я полюбила эту страну. Не верю, что в народе может накапливаться вражда и ненависть. Все мы - Божьи дети, и у нас одна православная вера. На «правильном» человеческом уровне все по-прежнему. Мудрые души грузинского и русского народов не позволят разорвать духовную связь... Этому я и посвятила свой «Грузинский цикл». Стихи, как могут, тоже участвуют в сплочении людей, ведь поэт думает о спасении мира. Об этом у меня есть такая строфа: «Обожгут небосвод все надмирные грозы./Но от горя - сильней и мудрей человек./На грузинской земле я пролью свои слезы,/Чтобы этой земле не заплакать вовек./»

- Вы уже во второй раз приезжаете на фестиваль. Чем он для вас примечателен в этом году?

- Нынешний фестиваль для меня еще дороже предыдущего, потому что он проходит после такого сильного потрясения и вызывает восхищение и преклонение перед теми людьми, которые все это в очередной раз организовали. И невзирая на сложную обстановку, у вас просто непотопляемый фестиваль, который делается во имя мира.

- Что бы вы сказали о фестивальной программе?

- Замечательно! Она такая насыщенная, интересная, здесь столько искреннего, дружеского общения! Особенно мне понравились выступления поэтов в рамках программы «Стихи у моря», мастер-класс по переводам, творческий вечер Иры Сохадзе. Впечатлил и вечер лито «МОЛОТ.О.К.», где все ребята очень талантливые, яркие, самодостаточные, и я надеюсь на их большое будущее.

- А сами уже написали что-нибудь?

- Сегодня в море пришла в голову целая строфа! И я уже чувствую, во что она выльется. Знаю, многие здесь уже написали кое-что. А сначала опасались - вдруг не придет. С поэзией шутки плохи.

- Что заставило вас уйти в такую «непоэтическую» сферу деятельности, как журналистика?

- Действительно, я редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня» («Хозяйка»). Это журнал с тиражом 110 тысяч экземпляров в месяц, для семейного чтения, пользующийся удивительной любовью в народе. Наверное, дело в том, что работают в нем профессионалы, трудолюбивые, хорошие люди. А для меня большая радость - создавать портреты творческих людей.

- Каким должен быть человек, чтобы вы захотели о нем написать?

- Главное, чтобы у него был добрый, светлый талант. Когда я это чувствую, душа сама настраивается на творчество.

- С кем хотелось бы поговорить?

- С Евгением Евтушенко. Я даже посвятила ему стихотворение. Принимаю и понимаю все его творчество, в разные периоды. Очень бы хотела увидеть еще раз Беллу Ахмадулину, она приезжала недавно к нам в Минск. Еще хочется побольше узнать о русском поэте Геннадии Русакове. Это настоящие творцы. Спасибо им за то, что своими стихами они изменяют мир, делают его чище и светлее.

- Но и ваше собственное творчество оценено, не так ли? Знаю, что вы стали лауреатом премии Союза белорусских журналистов «За лучший женский образ в журналистике».

- Эту премию я получила за создание творческих портретов народной артистки СССР Александры Климовой, народной артистки Беларуси Галины Орловой (жены Николая Еременко-ст. и матери Николая Еременко-мл.) и за серию других материалов о заслуженных деятелях культуры Беларуси.

- Кроме того, вы лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», российской литературной премии им. А.П. Чехова, литературной премии Союза писателей Беларуси «Золотой Купидон», а еще указом Президента Российской Федерации награждены медалью А.С.Пушкина. Насколько для вас важны награды?

- Сказать, что награды не в счет, значит, покривить душой. Наверное, каждый хочет, чтобы его услышали, поняли, оценили. Но это не должно быть целью. Когда пишешь стихи, о наградах не думаешь, это уже - приятное последствие, которого может и не быть... Думаю, Бог дает мне это через людей, знающих, что

меня это не испортит. Кроме того, награда, признание ко многому обязывают.

- И все же, главная награда для поэта - любовь читателей. Что, на ваш взгляд, главное в стихах?

- Трепет, волнение, сохраненная энергия мысли, чувства при неповторимой образности сказанного. Надо говорить своим языком, петь своим голосом. Так, как скажете вы, никто другой не скажет, хотя словарь у нас один. Если читателей трогает поэтическое слово, значит, оно не напрасно. Скажу откровенно, что все мои стихи написаны болью, кровью, душевными ранами. Потому что я считаю, что посох поэта не должен отрешенно стоять в углу, на нем должны быть следы мытарств и труда, слез и соли, дождей и пыли пройденных дорог.

- В своих книгах вы сочетаете стихи с графикой и фотографикой, с масляной живописью и даже с батиком...

- Я стараюсь экспериментировать в оформлении книг, соотносить поэзию с различными видами изобразительного искусства. В книге «Живое зерно» впервые в Беларуси мы задумали совместить стихи с иллюстрациями картин Международного клуба «Батик», созданными на шелке и полотне. Мне кажется интересным подружить стихи и со скульптурой, особенно те, которые написаны мной на белорусском языке, нечто вроде японских хокку и танка.

- Но вы ведь и прозу пишете?

- Да, но только рассказы-миниатюры. «Прозаический» период был у меня в 90-е годы. А сейчас прозой можно назвать только мою работу в журналистике. Но думаю, рассказы еще придут. А вот роман я бы писать не отважилась. Я чувствую форму малого произведения и знаю, где поставить точку.

- Как назывался ваш первый сборник?

- Он носит название «Найдите время для любви». Признаюсь, что это стихотворение ушло в народ. Его переписывают в альбомы, шлют друзьям на свадьбы и дни рождения, произносят как тосты. Однажды оно даже примирило двух поссорившихся влюбленных... И я уже в шутку говорю, что со временем будет считаться, что это стихи неизвестного автора конца XX-начала XXI века. А вообще, у стихов - своя судьба, о которой я даже могу и не подозревать.

- Найти время для любви - ваше жизненное кредо?

- Это вообще кредо всей жизни, и моей в частности. Без любви ничто не рождается: ни хлеб, ни дети, ни стихи... Я хочу, чтобы эти слова воспринимались как призыв к милосердию, состраданию, ведь человечество ожесточается. Разве мы можем сказать, что любим, как себя, другое Божье создание? Разве часто в суматохе дней мы находим время друг для друга? В одном из стихотворений я написала: «А в век всемирного разлада,/Где каждый смертен и раним,/Одной любви всего и надо,/Чтоб оправдаться перед Ним».

- Решение писать стихи - очень ответственное.

- Ответственное. И я приняла его поздно, хотя задатки к творчеству проявились рано, с пятилетнего возраста. Но печататься я начала только после 30 лет, когда созрела моя душа.

- Что вам помогает в жизни?

- Я понимаю свое счастье в том, чтобы не потерять то, что у меня есть: способность чувствовать мир, людей, слово. Я всегда отделяла творческую судьбу от личной. В жизни немало проблем, но творчество всегда над ними, над бытом, над суетой. Оно мной выстрадано. И дается не каждый день, а приходит, как праздник, как осуществленная мечта, как вымоленная краткая радость.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

МИР ВНУТРИ СЛОВА

Елена Зейферт на открытии фестиваля. 2009

В сказочной повести «Волшебное подземное царство Караганда» переплетены мифы и легенды Казахстана и реалии нашего времени. Герой сказки – мальчик-подросток, в руки которого попадает волшебная книга, и с этого момента с ним начинают происходить чудеса. И, что главное, к герою приходит осознание – если просишь не для себя, а для других людей, то желания обязательно сбываются.

Автор этой этномифологической сказки – Елена Зейферт, поэт, публицист, литературный критик, журналист, преподаватель родом из Караганды, представляла на III Международном русско-грузинском поэтическом фестивале «В поисках Золотого руна» родину безымянных певцов «акынов» – Казахстан.

В романе «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын писал, что «едва ли не главной столицей ссыльной стороны, во всяком случае из ее жемчужин, была Караганда...»

Город, в лагерь которого ссылали тысячами деятелей культуры и науки, сохранил следы писателей, поэтов, философов. В течение 19 лет здесь отбывал срок писатель-фантаст Михаил Зюев-Ордынец, 10 лет – ученый, философ Лев Гумилев. После лагерей Даль-

него Востока и Алтайского края здесь около двух лет работал и создавал свой перевод «Слова о полку Игореве» Николай Заболоцкий. Пройдя сибирскую ссылку, жил и Наум Коржавин, оставив «карагандинский» цикл стихотворений.

Два года назад в журнале «Знамя» вышла статья Елены Зейферт «Литературный пейзаж Караганды: прожилки в кварце». В ней ощущается не только любовь к родному городу, но и твердое знание его литературной истории. Литературу Караганды автор потому и сравнивает с кварцем, поскольку этот минерал, не будучи однородным, включает в себя прожилки серебра и золота. Такими прожилками Елена считает творчество «великих узников».

Связь Зейферт с Карагандой неразрывна. История ее семьи переплелась с этим краем, с его могущественной степью. Ее родные со стороны отца прошли в Казахстане трудовую армию, а материнская линия пережила в этой стороне эвакуацию.

В рамках фестиваля был показан фильм по сценарию участника фестиваля Павла Финна «Подарок Сталину», действие которого происходит в Казахстане в одном из типичных в то время трудов лагерей. Осо-

бенно пронзительным фильмом оказался для Елены. «Во время просмотра щемило сердце», – призналась она.

Елена Зейферт, член редколлегии журнала «AMANAT» (Алматы), рассказывает:

– «AMANAT» – журнал литературы народов мира. И его концепция очень близка к концепции поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна». Идея создания журнала принадлежит известному общественному деятелю и писателю Казахстана Роллану Сейсенбаеву. С 1999 года он возглавляет созданный в Лондоне Международный клуб Абая. Мне удалось уговорить Роллана Шакиновича издать целый номер, посвященный российским немцам. Ведь российские немцы – отдельный этнос. Это условный термин, под которым понимают тех, чьи предки из Германии в свое время образовали в России многочисленные колонии. Массовый переезд наблюдался в конце XVIII – начале XIX веков. Первые же переселения относятся к IX веку. В Караганде даже сегодня десятую часть населения составляют российские немцы, потомки тех, кого во время Второй мировой войны депортировали в Сибирь и Казахстан.

Перед отъездом в Грузию на поэтический фестиваль в руки Елены попала книга берлинского исследователя, доктора исторических наук Тамары Николаевны Черновой-Деке.

– Российско-немецкий дом в Москве периодически заказывает мне редактуру и правку монографий. И что интересно, темой последней монографии стали немцы в Грузии. Тамара Николаевна – историк, она входит в Ассоциацию исследователей истории и культуры российских немцев (Москва). В исследовании рассказывается, как немцы попали в Грузию в первую треть XIX века. Отдельные группы, у которых была мечта переехать в Палестину. Но, не выдержав дальней дороги, они остановились в Грузии, в стране схожей по климату с палестинским. Вначале жили нехотой, с трудом приживались, но уже в третьем поколении освоились полностью, создав собственные колонии с сырными и пивоваренными заводами.

Это Мариенфельд и Петерсдорф (Сартичала), Ной-Тифлис (Тбилиси, район Кукия), Александердорф (Тбилиси, район Дидубе), Элизабетталь (Асурети), Катариенфельд (Болниси).

Недавно в Германии вышла монография Зейферт «Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.». В ее основу легла докторская диссертация Елены, которую она защитила в МГУ в прошлом году.

– В связи с докторской я часто приезжала в Москву работать в библиотеках. И выходило так, что один день я проводила в Ленинке, а на другой шла в библиотеку Российско-немецкого дома. В залах первой, еще не отремонтированной, сквозь высокие окна которой был виден Кремль, чувствовался русский размах. А во второй – небольшой читальный зал, евроремонт, в холле по телевизору показывают немецкие сериалы. И этот контраст – русское с одной стороны и немецкое с другой, дал мне ощущение необходимости в обеих культурах. Билингвальность и бiculturalность срослись в голове и разделить их невозможно.

С 22 лет Елена посвятила себя культуртрегерству. Помогала начинающим поэтам определиться, найти себя, печататься. Поставить диагноз, считает Елена, можно по двум-трем строкам, и совсем необязательно читать все десять тетрадей стихов, но важна психологическая функция самореализации. Когда пишешь для читателей, которых не знаешь, пишешь до востребования. И рано или поздно читатель находится. Поэты, по ее словам, это нервные окончания города. Это его жизненная сила.

По инициативе Елены под ее редакцией издавался

литературно-художественный альманах «Дар слова», а также вышли коллективные сборники: «Нервные окончания Караганды. Сборник современных стихов и прозы» (2002 г.), «Влюбленная Караганда. Сборник любовной поэзии и прозы» (2003 г.), «Детский взгляд Караганды. Сборник стихов и прозы для детей» (2004 г.).

Как доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова Елена вела курсы лекций по истории и теории русской литературы и латинскому языку.

– У меня в университете был случай. Для студентов иностранного отделения я вела семинар по «Евгению Онегину». И на курсе был мальчик, который учился в казахско-турецком лицее, а там не было дисциплины «Русская литература». Он впервые «Онегина» прочел в 20 лет. И если все остальные его сокурсники говорили штампами, которым их обучили в школе в 13-14 лет, то он осознал Пушкина сам и понял сердцем.

В школе дается дробное представление о тексте. Возьмите стандартную тему сочинения «Образ Чацкого». Что он вне всего текста? Потому надо вводить учащихся в атмосферу того времени, приводить литературный фон и изучать не только вершинные имена, а представлять всю эпоху.

Я не хочу сказать, что классику стоит читать позже, а не в рамках школьной программы. Но ее необходимо перечитывать и с возрастом переосмысливать.

Думаю, что нам еще предстоит открытия как в русской, так и грузинской литературе.

А для поэтов классика – лучший источник, проверенный временем и дающий мощный импульс для создания собственного произведения.

Ориентиры Зейферт в поэзии – это Тютчев, Блок, Волошин, Цветаева.

Поэтом среди поэтов считает она Райнера Марию Рильке, а его сборник «Часослов» можно назвать ее настольной книгой. Для Елены переводить его больше, чем счастье.

Вслед за Мариной Цветаевой она могла бы сказать: «...Сегодня мне хочется, чтобы Рильке говорил – через меня. Это, в просторечии, называется перевод. (Насколько у немцев лучше – nachdichten! Идя по следу поэта, заново прокладывая всю дорогу, которую прокладывал он...)».

Наступает время, когда приходит чувство истощенности, а с ним сознание того, что ты можешь быть полезным своему городу, но уже вне его. Два года назад они с мужем решили переехать в Москву. Здесь она может не на расстоянии отслеживать современные литературные процессы, посещать литературные салоны, участвовать в жизни Булгаковского дома, Клуба метафизического реализма Мамлеева.

Она пишет для российских литературных журналов «Знамя», «Литературная учеба» и других, печатается в российско-немецких изданиях России, Германии, Казахстана. К примеру, на страницах «Deutsche Allgemeine Zeitung» уже два года ведет клуб критики «Открытие: мир внутри слова».

Совсем недавно Зейферт стала редактором приложения «Евразийская муза» в «Литературной газете».

Первое прикосновение к Грузии произошло еще в первом классе, когда проходил праздник 15 республик. Лене Зейферт выпало представлять нашу страну. Был национальный костюм, грузинские цвета, грузинские мотивы. Уже позже «грузинский миф» был сотворен ею из лермонтовских Мцыри и Демона.

По возвращении из Грузии у Лены родилась стихотворная подборка «Грузинский серпантин».

«...Бог несет тебя по серпантину./ Тебе решать – стать человеком, горой или ветром./ Несомым./ Несущим./ Не сущим».

Алена ДЕНЯГА

Арсен Еремян и Михаил Таль. Тбилиси, 1965

ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ

Книги, посвященные родному городу, - их много не бывает. Как не может быть слишком любви, или избытка верности, или чересчур надежды.

Книги могут быть только разными. По жанру – мало ли какими! Но принципиальное, категориальное различие существует лишь одно – литература и нелитература. Непреклонный Мандельштам говорил о плохих текстах: «Это вне литературы».

В сборнике рассказов Арсена Еремяна читатель обнаружит и личные воспоминания автора (а чего только он ни повидал и ни сохранил в своей «жадной» памяти), и эти воспоминания зачастую будут пересекаться с читательскими, особенно, если читатель – тбилисец, и удивительные рассказы его героев, поведенные персонально автору, и почти все они будут потрясающе новыми... Но главное наслаждение будет заключаться в том, что читателю предстоит встреча с подлинной литературой, то есть с настоящим искусством владения словом и мыслью. Сколько таких книг? Вот именно, единицы. Поэтому книга А.Еремяна больше своего названия «Робинзоны в городе», больше посвящения «Родному Тбилиси...» и больше авторского эпиграфа

из собственного стихотворения «Тебе был свет дан в теплом городе/И в нем нашел свою судьбу». Каждый из рассказов настолько неохватнее своей темы, насколько небо больше звезды.

А.Еремян уважает своего читателя и ставит перед ним очень высокую планку – своего мастерства, своего опыта. Скромность здесь не к месту, поэтому автор не собирается ни упрощать мастерства, ни умять опыта.

Восприятие этой книги будет поэтапным. С самого начала мгновенно ты очарован языком. Затем понимаешь, что у автора есть стиль – не чувство стиля, а именно авторский стиль, и это главное в прозе, без наличия стиля за прозу лучше не браться. После ты с удивлением замечаешь, что попутно, почти походя, узнаешь много тебе неизвестного, и вынужден признать – автор, пожалуй, гораздо начитаннее тебя. Потом ты оказываешься заморожен сюжетами – в каждом рассказе есть несколько самостоятельных историй, скрепленных неожиданными ассоциативными связями. Читателя переполняют эмоции – от сострадания до радости, от боли до гордости. Улыбка сквозь слезы или слезы сквозь смех, бог весть... Отношения с автором складываются персональные, развиваются, как полагается, и заканчиваются, как должно: ухаживание, роман, союз. Автор берет тебя в плен, и вот ты уже в его власти, в его мире, и плывешь в его лодке, а тебе кажется, что правишь сам... Но вдруг начинаешь самостоятельно ложиться на курс, распознавать подводные рифы, замечать маяки...

Сказать, что эти рассказы похожи на стихотворения в прозе, все равно, что сказать – море похоже на море. А лучшим описанием моря Чехов считал предложение из детского сочинения: «Море было большое». Поэтому

можно ограничиться определением: проза А.Еремяна – это поэзия. А что такое поэзия? Классиком замечено: «Есть реальности, которые, по-видимому, лучше всего не определять. Разве есть покрой одежды, достойный Милосской богини?»

И тем не менее. Яркая ассоциативность и жесткий рационализм, исключительная образность повествования, четкая структура построения и наличие его внешнего и внутреннего ритма, абсолютная метафоричность и мировосприятие и изложения, тяга к парадоксу не как к фокусу мышления, но как к возможной форме самого мышления – вот что отличает рассказы А. Еремяна и делает их больше, чем рассказы, больше, чем прозаическое произведение вообще. А это уже похоже на новый жанр.

Арсен Еремян блестяще старомоден. Настолько, насколько старомодны нравственность и профессионализм. Он очень разборчив, даже придирчив, потому что, говоря словами автора, «честен и прям, что... важнее капитала».

Тематика его рассказов разнообразна, а образы яркие, но иногда внезапно безжалостны. Даже жестоки. Читать подчас тяжело. Но ловишь себя на мысли – а какво было пережить, а какво написать?

Эту книгу мог написать не только тот, кто умеет писать, но и тот, кто умеет слушать и сопереживать. «Как замечено не только мною, - пишет он, - мне и рубля не накопили строчки, но журналистика одарила радостью встреч с людьми, вспоминая которых чувствую себя богатым и счастливым. С годами отсеивается шелуха необязательных слов и отношений, отличаешь золото от позолоты, забываются сиюминутные обиды, остается тепло и щедрость человеческого общения».

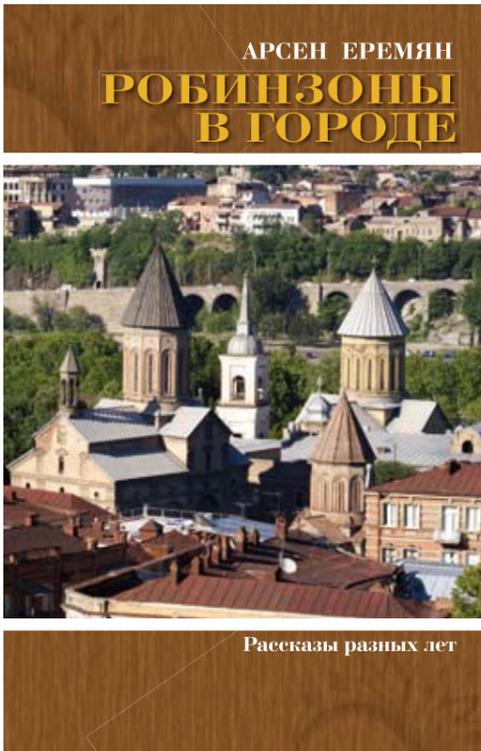
Мне неизвестно, ленив ли автор, но то, что он любопытен, - несомненно. Именно поэтому ему удается найти тех персонажей, которых до него найти не смогли или не додумались, разговорить и вызвать на полную откровенность тех, кто откровенничать не любит и не привык. Не говоря уже о том, что автор щедр и на собственные воспоминания, а они дорогого стоят. Так что каждый из рассказов А. Еремяна (как и любой документ в его огромном и драгоценном архиве) – или абсолютный эксклюзив или абсолютный раритет, как, например, «Сольвейг не прибежала на лыжах», или «Завещание Гроссмана», или «Посылка из Нью-Йорка», или «Мученик с Вознесенской улицы» ...

Автор живет непросто, а чувствует легко. И поэтому (хотя, как известно, любое сравнение всегда хромает) сравнения А.Еремяна «не хромают», ведь в союзе образ+сравнение рождается метафора, которая намного значительнее сравниваемого. Откроем книгу наугад, выборочно: «Она такая юная, что сам себе кажусь современником Лермонтова», «Стоит колени-поклоненный Пиромани, с каменными мышцами молотобойца и боксерской челкой, прижимая к крутой груди неживого от страха молодого барашка, который, кажется, прыгнул ему на руки из строчки Мандельштама», «В одном из них (садов), таком малом, что на него можно было накинуть его форменную шинельку, он высмотрел скромную светловолосую девушку...», «Александровский сад – большая пятнистая кошка на солнце – голова на Головинском проспекте, хвост упирается в парадный подъезд гостиницы «Лондон», «Она идет вдоль бассейна, где, как амы – японские ныряльщицы за жемчугом – куврыкаются на воде папиросные коробки табачной фабрики «Бозарджианц и сыновья», компаньоном которых был мой отец», «Я шел по этому сонному царству, провожаемый настроженными взглядами потерянного поколения кошек, которые, как старые сплетницы, разглядывали меня и не собирались дать стрекача»...

Не знаю наверняка, кого считает своими учителями в литературе А.Еремян. Думаю, что, как все хорошо образованные и глубоко начитанные филологи, он вольно и невольно учился у всех, кого читал и любил, сохраняя при этом самобытность. Это, в конце концов, дело чести – быть собой, в данном случае – быть сугубым реалистом, оставаясь совершенным романтиком. В подобном стиле, богатом и сложном по изложению, несложном по восприятию, щедром для ума, пронзительном для сердца, писал Константин Паустовский. Параллели в принципах построения и изложения очевидны: простая физика (доступная четкому пониманию и определению структура повествования и предметная фактура первого плана образов) и сложная метафизика (второй и третий планы идеального значения почти у каждого образа), мгновенная завязка, развитие повествования в нескольких направлениях при единой сюжетной магистрали, несколько историй, переплетенных друг с другом, несколько кульминаций, а значит, несколько «ложных» развязок и исключительное эмоциональное напряжение на протяжении всего произведения...

По тональности, по особенностям восприятия мира рассказы А.Еремяна во многом созвучны атмосфере в произведениях великих американских прозаиков «потерянного поколения». Говорить о языке бессмысленно, потому что за него мы должны благодарить не только Фитджеральда, Хемингуэя и Фолкнера, но и Р.Райт-Ковалева, И.Кашкина, Е.Калашникова. Но, во всяком случае, совпадает взгляд на действительность – иронический и отчаянный, безжалостный и жертвенный, беспощадный и всепрощающий... «Гремит оркестр, кружатся пары, катятся волны вальса, поющего о боли и грусти, о невозможности счастья», - пишет А.Еремян. Но эти боль и грусть, эта невозможность, являются именно болью и грустью, иногда – жестокой невозможностью, словно горькое отражение в зеркале... Но ненависти в них нет. «Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен, - писал Иннокентий Анненский, - но он не будет мне отвратителен, потому что он – я».

«Я сказал любя», - признается Арсен Еремян. Воистину. Именно в подобных случаях – нечастых, как снег летом, - и возникает подлинное единение автора и читателя, которому в ответ остается лишь процитировать бессмертное «Любовью за любовь вознагражу я», и, дочитав сборник рассказов «Робинзоны в городе» до конца, перелистнув последнюю страницу, открыть эту книгу заново, чтобы с волнением перечитать.

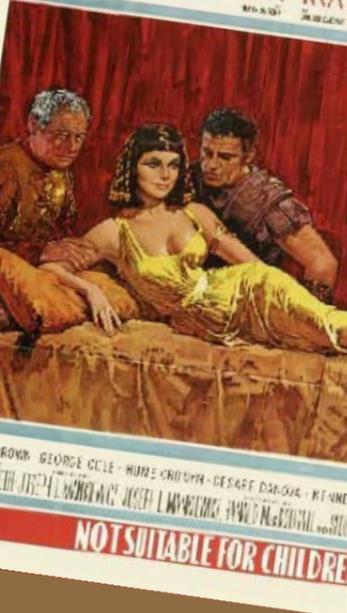
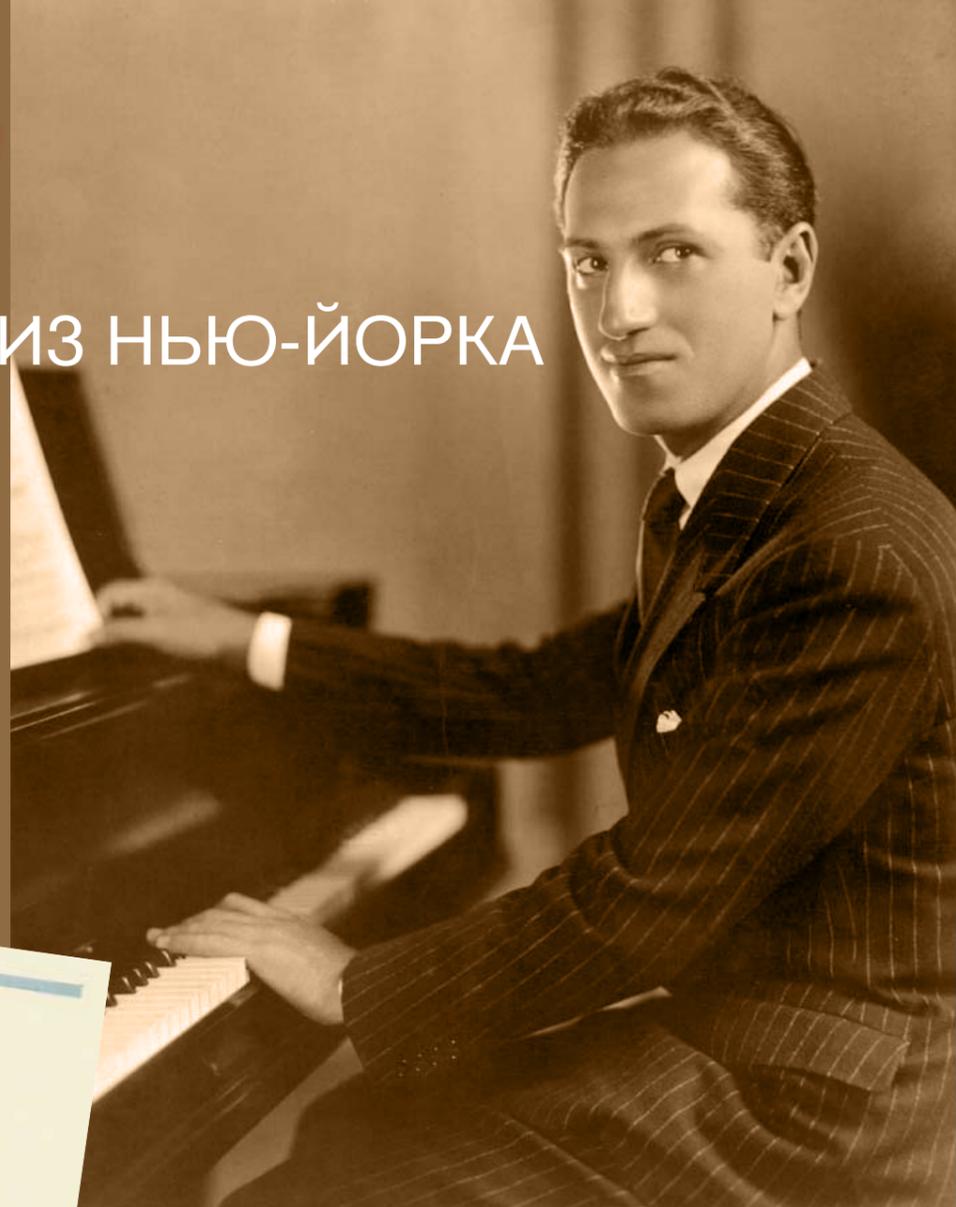

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Остаток жизни Мушега уходил на детские стулья. Однофамилец правого края ереванского «Арарата» появлялся по утрам, когда молодые матери тащили плачущие, упирающиеся чада в детские сады, весь увешанный стульями и щетками.

О другой жизни соседа, невидимой ее части, можно было догадаться. Свой Георгиевский

CLASSIC MUSICALS COLLECTION

AN ARTHUR FREED PRODUCTION
FRED ASTAIRE · CYD CHARISSE
Silk Stockings

крест, солдатский Егорий на лацкане выцветшего пиджака, он с честью заслужил не за столярное дело – за что-то героическое.

Отличались не только в условиях фронта. Дальний мой родственник получил один год тюрьмы за болтовню в саду на Абас-Абадской площади, когда неожиданно во всеуслышание объявил окружавшим его бездельникам: «Немец идет!» Реплика по тем временам прозвучала неприлично бодро, а кто-то нашел ее радостной и стукнул. Но родственник выдал истинную правду. Немцы были близко, на Северном Кавказе. Гитлер сказал, что проиграет войну без кавказской нефти и рвался к ней.

Родственник отбыл свой срок, вернулся домой без единой царапины, худой и

ошеломленный запретами и вольницей шарашки. Война к тому времени окончилась. Никому в голову не приходило искать антисоветчину в его бухгалтерских отчетах. Более важным делом он собирался заняться, получив гонорар за отцовские исторические романы о разрушении Сасуна и Ани. Власти не спешили издавать патриотические книги и защищать чужое авторское право.

На фоне вселенской разрухи и неспесивой трофейной выставки в парке на набережной, где сегодня неробкие женщины открыто торгуют золотом и бриллиантами, его откровения о зоне не слишком удручали, а новизна лагерной темы, долго не допускаемой в литературу, убеждала, как несовершенны знания человека об окружающем его мире, и долог, и тернист путь к истине, к которой ни на йоту он не приблизился, изготовив сверхбомбу.

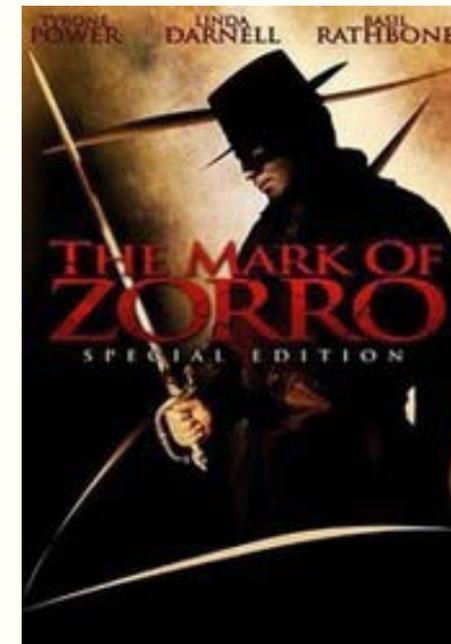
Старый Мушег слыхом не слыхал о столовой горе Лос-Аламос и секретном заводе у Альбукерка, но пропустив рюмку-другую вина в минуту откровенности, которая всегда полезна тому, кто слушает, любил напомнить собеседнику, что сам не лыком шит и сын его в Нью-

Рубен Мамулян

Джордж Гершвин

том году в Лесном, 3 декабря – в день защиты дипломного проекта на механическом отделении Петроградского политехнического института императора Петра Великого. Имя лакея помещицы в Тверской губернии, а позже токаря Путиловского завода и всевозможного старосты с жидкой бородкой ассирийского царька, присвоили институту большевики.

На отцовской защите присутствовали военный министр и министр путей сообщения. Он защищал диплом по паровозу, до этого два месяца стажировался помощником машиниста на Николаевской железной дороге, окончил курс с первой степенью и сразу после защиты узнал, что включен в число русских инженеров, кандидатов на поездку в Америку, где им предстояло наладить произ-

водство оружия и военно-промышленный комплекс. Таковую новость от семьи не утаишь. Скоро из Тифлиса пришел ответ старшего брата отца, Артема. Выпускник Петербургского технологического института, управляющий нефтепромышленника Александра Манташева имел собственное мнение, телеграфировал жестко и однозначно: мать больна, от предложения откажись. В Америку вместо отца поехал его однокурсник. Сикорский из него не вышел, а может быть, сам стал знаменитостью.

Об отказе своем отец никогда не жалел. Америка еще раз поманила его златовласой русалкой. В 33-м

Йорке владеет таксомоторным парком. В его авто садились сенаторы, хозяева китайских ресторанов, филиппинцы, секс-символ Америки Мэрилин Монро, Джо Луис и Рубен Мамулян, чей таинственный Зорро восхитил киномир. Сидя в удобном кожаном кресле, невидимый, как черная кошка в темной комнате, Зорро пускал роскошные кольца дыма. Так классно курить никто из нас в школе не умел.

Америка для моего рода осталась недостижимо далекой, как нирванная Шамбала. Но если достижение ее Соединенных Штатов считать за счастье, то оно было возможно и близко для моего отца в пятнадца-

Грета Гарбо

Время остановилось на пороге разоренного очага: старик снова видел своего ровесника, с которым играл в лахти, совершал опустошительные набеги на сады созревшей медовой черешни, предвестницы лета, узнавая его черты в рано поседевшем мужчине, чья жизнь прошла на чужбине, и ничего о ней не знал, как одержимо работал Мамулян, черпая полными пригоршнями из национальной памяти и американского опыта, когда заговорил «великий немой», чьи уста отверзлись не в последнюю очередь его стараниями, как в благословенный час судьбы встретил дочь шведского булочника Грету Гарбо, свою Королеву Христину, в которую влюблялись капризные монархи, кровавые фашистские диктаторы, самые богатые, знаменитые и красивые мужчины, и обессмертил в киношедевре ее ангельской красоты самое знаменитое лицо XX века; как в последний день сентября тридцать пятого под неумный шквал аплодисментов в бостонском Колониал Тизтр вместе с Джорджем Гершвином, дирижером Александром Смолленсом и обнимавшими их исполнителями заглавных ролей – Тоддом Данканом и Энн Браун вышел к зрителям, свидетелям родившегося у них на глазах чуда гершвиновской оперы: четверть часа назад нищий калека Порги под скорбную негритянскую мелодию спиричуэ-э-эс отправился на инвалидной коляске в Нью-Йорк, в долгий путь за своей ветреной, ненадежной Бесс, без которой не мог жить.

Нью-Йорк с его небоскребами-утюгами с подачи советского классика долго представлялся Городом Желтого Дьявола, огромной челюстью с неровными черными зубами, дышащим в небо тучами дыма и сопящим, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него по любезному приглашению великого пролетарского писателя, поневоле чувствуешь себя пророком Ионой в чреве кита, современного левиафана из камня и железа; взору представляются улицы – скользкое алчное горло, по которому плывут темные куски пищи – живые люди, вагоны городской железной дороги – огромные черви, локомотивы – жирные утки.

Прочитав про этот кошмар, дети потом не могут заснуть.

Другой колосс отечественной литературы отобразил историческую сшибку революционной России с оплотом мирового капитализма США в футуристических стихах, вызвав неудовольствие Ленина, который любил одну Инессу Арманд и нежных чувств к американцам никак не питал.

Современник и литературный оппонент поэта-главаря за три года до страшного конца в «Англетере» слетал на фоккере на Запад, околдованный, одунка-ненный женщиной сорока с лишним лет, скверной девочкой и своей милой, увидел в стране Колумба Железный Миргород, незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, у которых не было города лучше Полтавы, и там прозорливой душой не пришелся ко двору, привычно пил водку стаканами, как экранный бутлегер дрался в гостиницах и окончательно разругался с босоножкой, танцующей «Интернационал» с красным флагом в полных белых руках.

Каюсь, в молодости сам кинул камешек в американский огород, когда пылко и безответно влюбился в шахматы и, пока хватало денег, брал уроки английского у мистера Мейера, высокого господина из Шанхая, со стальным рукопожатием и худым породистым лицом старого актера. Для начала он поставил мне потрясное американское произношение, от которого разинули рты наша англичанка и девочки на курсе в университете.

вместе с ансамблем Шара Тальяна «Ашуги» имел на руках выездные документы, но помешало злодейское убийство Кирова, становившегося вторым медведем в кремлевской берлоге. В девятнадцатом году помог уехать в Лондон молодой девушке с соседней Бебутовской улицы. Она стала женой влюбившегося в нее англичанина, повторив ситуацию гумилевской хокки «Вот девушка с газельными глазами выходит замуж за американца, зачем Колумб Америку открыл?!», и вызвала к себе младшего брата – Рубена Мамуляна.

Через три года председатель Совнаркома, у которого появились первые признаки угасания мозга, выдворил за кордон интеллигенцию – соль земли российской. Надолго затерялся след тифлисского юноши, недурно рисовавшего и бредившего работой в театре.

Отсутствие информации мы восполняли богатой фантазией, приписывая знаменитому земляку режиссуру любимых американских трофейных фильмов. Осталось для меня тайной, как отец узнал название не самого кассового мамуляновского фильма начала тридцатых годов «Люби меня сегодня вечером». Больше они не встречались, хотя в год смерти отца Рубен Мамулян был на Московском международном кинофестивале, приехал в грузинское село Мухрани поклониться родительскому дому и не увидел его.

Рядом на камне задумался древний старик.
«Скажи, приятель, - обратился к нему немолодой гость, - здесь был дом Мамулянов...»

Старик медленно поднял на него мутные глаза и сказал: «Бичо, маленький Рубен».

Я верил: каждый человек может пройти от пешки в ферзи, если его не побьют на проходе. Мистер Мейер был того же мнения. Вдвоем мы придумали, как будет звать моего героя – Аллен Вудхед. Вудхед, понятно, деревянная голова, а в выборе имени заключался секрет, открыть его я не вправе, он принадлежит не мне одному.

Герой рассказа – талантливый шахматист, страдающий от хронического безденежья, играет в шахматы на деньги. Нескончаемые стрессы разрушают его нервы, как капля, которая камень точит частым падением. У него больна сестра и нужны деньги позарез. Он играет с одним парнем, между прочим, первоклассным мастером, и, разумеется, проигрывает. Конец трогает до слез: он идет по улице, ругая себя за плохую форму, в последний момент решает вернуться в бар и еще раз попытаться счастья, но его сбивает машина.

Рассказ «Ставка – жизнь» с иллюстрациями молодого художника-графика Алика Яраляна опубликовала вечерняя газета. Для дебюта было не слабо. У меня появились поклонники. Нелли Долидзе, самая красивая женщина в нашей редакции и не только в ней, повергла меня в смятение. «Ты станешь писателем, - уверенно сказала она. – Почему бы тебе не жениться на Лерочке?» Лерочка стояла рядом, смущенная не меньше меня. Интеллигентная еврейская девочка с яркими глазами и привлекательными формами. В студенческом симфоническом оркестре она играла не первую скрипку, но на нее приятно было смотреть.

Примерно тогда к нам неожиданно появился Мушег и пригласил отца на плов. По случаю приезда сына из Америки. Когда отец пришел со званого плова, от него приятно пахло пловом, красным вином и дорогими американскими сигаретами. Я поинтересовался, не высказывал ли Мушегов сын за столом каких-либо пожеланий, и узнал, что высказывал – как разменять пятьдесят долларов на наши деревянные.

Откидной плов определенно пробил брешь в их семейном бюджете, и я спросил, нет ли у сына других проблем. Оказалось, есть. Он очень хотел увезти с собой четки, из тех, что перебирают за молитвой и чашечкой кофе. Именно такие, с красно-белыми бусами, в нашем доме имелись, и я порадовался за него.

Мой отец ходил по комнате и все поглядывал на картину Ваграма Гайфеджяна. Она висела, сколько помню, на не топившейся стенной печке, отчего ей было ни холодно ни жарко, и вблизи казалась ничего не стоящей мазней, но стоило отойти на несколько шагов, и каждый, даже не будучи ахалцихцем, догадался бы, что перед ним «Ахалцихский базар» в великолепии южных красок, выставленных дефицитных продуктов и с отчетливым ослом на переднем плане.

Получалось, что и очаг имелся, и еды в доме полно, но все это не настоящее, как в каморке под лестницей старого шарманщика папы Карло, нарисованное на куске пыльного холста. Ахалцихец Гайфеджян оказался земляком Мушега и его сына, которые сами были из эрзрумских армян, обманувших смерть в восемнадцатом году. Кому как не ахалцихцам должна принадлежать эта картина, заглушая вечную тоску по родным местам. Кажется, я начинал понимать и от себя добавил книгу Ашота Арзуманяна «Дружба» - об армяно-русских культурных связях.

На следующий день отец отправился к Мушегу с подарками, но определенные трудности ему пришлось преодолеть. Американец, отчаявшись как-то оплатить свалившиеся ему на голову дары, просил дать наш адрес, чтобы он мог прислать хотя бы посылку, но мой добрый отец сумел отговорить его.

Долго потом я мысленно общался с Мушеговым сыном, обдумывая что бы послать ему поинтереснее

о наших армянских делах, и старался не мелочиться. Будь я даже обладателем счастливого мяча, которым араратовцы обыграли киевлян в кубковом финале, и его бы не пожалел. Но не было у нас бритоголового крепыша Марио Америко, массажиста бразильской сборной, который на чемпионатах мира крал мячи у зазевавшихся судей.

Натерпелись мы страху, когда перехватив мяч, Блохин с Колотовым вдвоем вышли на ворота. Блохин потом вспоминал: надо было убрать мяч под себя, когда бросился ему навстречу из ворот Алеша Абрамян, или отдать налево Колотову, и так хотел забить.

Америка нас не забыла. Как-то вечером пришел

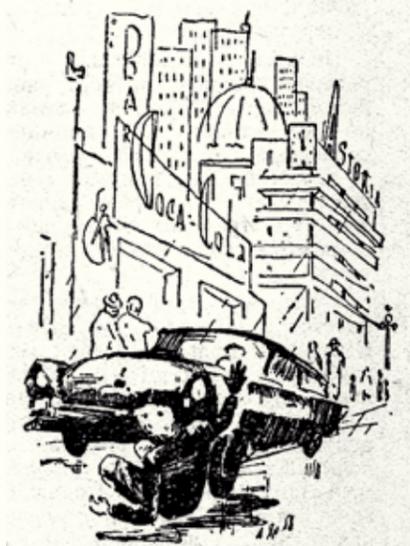
Рис. художника Альберта Яраляна 1958

Мушег, которого мы уже начали забывать, и сказал, что получил посылку, и в подтверждение своих слов вручил нам сорочку – одну на двоих.

Разные бывают посылки. Тетя Хая получила из Шанхая посылку, а в посылке два китайца почему-то красят яйца. Нас научили не привередничать в бедности, присылая что им негоже, но чтобы богач из Нью-Йорка дарил заношенную сорочку московского пошива – поверить в такое было трудно.

Круглолицый, румяный Мушег, рассказывая, загадочно улыбался, зная какой-то одному ему известной секрет, точь-в-точь, как карабахский балагур и сумасброд Пыл-Пуги, а мне очень не хотелось быть одуроченным Мелик-Шахназаром, но отец сделал мне знак: не обращай внимания, и я послушался – не обращал, и простил, и потерял из виду, а когда вспомнил, никто не знал, куда он девался, и имени его не помнили, называя каждый раз по-разному, и только один сосед сказал, что Мушега вроде вызвал в Америку сын – в семью, к внукам, прежде чем всезнающий и премилостивый Бог взял его к себе.

И это самое светлое в его печальной истории со счастливым концом – нельзя бросать старых родителей, близких своих, когда от них мало прока и руки их не могут что-либо сделать, даже детские стулья.

В НЕБЕ СОЖЖЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

Рати Нинуа с одноклассниками

Нет более великой и нескончаемой боли, чем потеря сына. Эта ужасная, ни с чем не соизмеримая трагедия легла в основу красивейшего и печального греческого мифа об Икаре, юноше-мечтателе, стремившемся в бескрайнее небо, в его лазурь, чьи скрепленные воском крылья растопило, сожгло раскаленное солнце и с невообразимой высоты разогнавшимся метеором низвергло смельчака в морскую пучину.

Помню, как вчера, злопамятный майский день 2000 года, когда Тбилиси облетело страшное известие: в университетской аудитории застрелился поэт. И имя называли – Рати Нинуа. Я его не знал, но само событие потрясло до глубины души, этот роковой выстрел ранил сердца всех. Вспомнился трагический финал жизни Паоло Яшвили, который на втором этаже Дворца писателей убил себя выстрелом из охотничьего ружья (та же трагедия вспомнилась Тамазу Цивцивадзе, который изящно называл Рати Нинуа «певчей птицей»).

В те дни я познакомился с отцом погибшего, режиссером Зурабом Нинуа (до сих пор не снял траур по сыну), он почти ежедневно приходил в Союз писателей, чтобы общением с нами, разговором как-то успокоиться сердцем. Не знал я, какие слова утешения найти для этого мужчины, с непросыхающими слезами и печалью неопишуемого страдания на лице. Сейчас пытаюсь выразить в какой-либо форме сочувствие, хотя знаю заранее – скорбящему отцу Рати Нинуа и мне самому печали никак не облегчить. Да и

что нам скажет и что успокоит, когда видим наяву, как выросших в лишениях наших детей – будущее Грузии – одного за другим беспощадно поглощает жизнь – этот ад ловит притаившегося в пропасти чудовища-минотавра – ненасытной глотки.

Часто думал – Рати Нинуа и таким, как он, талантливым, образованным, благородным юношам, недостает воздуха, они задыхаются в ужасные годы хаоса и жестокости, братоубийственных сшибках – иначе никогда бы не отказались от наивысшего в природе чуда и награды, что зовется жизнью.

К пятой годовщине гибели Рати (Тато) Нинуа вышел довольно крупный, о многом говорящий его сборник «Взлетим с тобой». Подлинное украшение книги – дипломная работа Рати Нинуа «О стиле и своеобразии переводов Паоло Яшвили», которую можно смело назвать литературным портретом лидера грузинских символистов, «голуборожцев», она явно шире указанной в названии проблемы, самой по себе значительной.

«Голуборожцы» учитывали опыт французских и русских символистов, но никогда не отказывались от национальных традиций и сохраняли самобытность; по мере возможности избегали тумана мистицизма, неясности, зашифрованных слов. Теоретические заметки и письма Паоло Яшвили, Тициана Табидзе и Валериана Гаприндашвили подготовили почву для грузинского символизма. Галактион Табидзе не принимал непосредственного участия в объединении «Голубые роги», но больше других был обязан поэтике символизма, что ясно и своеобразно отразилось в его втором поэтическом, гениальном сборнике «Артистические стихи».

Без явно выраженных компромиссов, в условиях идеологического пресса тоталитаризма, творцу не дали возможности расти и развиваться, и Паоло Яшвили был вынужден воздать дань эпохе, но лица своего не утратил, чести не лишился. Совершенно прав был Рати Нинуа, когда писал: «...литературный критик, наверное, должен обойти вниманием некоторые произведения поэта, продиктованные временем», когда он рассуждает о творческом стиле и своеобразии поэзии Паоло Яшвили.

Здесь же с редким вкусом разбирает вершину лирики Паоло Яшвили – «Поэзию» – и посвященное Валериану Гаприндашвили его же прекрасное стихотворение, которое справедливо называет «образцом романтической поэзии». Из «созданных поэтом на национальных мотивах произведений» Рати Нинуа особо выделяет изящный, в двух строфах «Офорт», посвященный большому мастеру грузинской прозы Давиду Квдиашвили, который дает основание думать, что Паоло Яшвили не замыкался в символизме.

Темой работы избраны переводы Паоло Яшвили и, естественно, наиболее место отводится прекрасным переводам лирики Пушкина. Из всего этого видно, как дорог и близок внутреннему миру Рати Нинуа «солнечный гений» Пушкина (он сам переводил Пушкина и Есенина); победой Паоло Яшвили считает, что «поэт и переводчик равно «сочетались» в нем, и точно выбран «стилистический эквивалент на грузинском языке», соответствующий пушкинской лексике.

Как и ожидалось, на высоком профессиональном уровне разобраны переводы Паоло Яшвили других иностранных поэтов (Рембо, Бодлер, Уйальд), элегантно оценен каждый из них. Убедитесь, как метко, четко излагает автор этого труда свою позицию: «... хорош перевод тот, в котором незаметна личность переводчика, его душа. Когда переводчик становится «прозрачным стеклом», мы непосредственно видим автора стиха и чувствуем его сердцебиение: именно в этом случае получается хороший перевод».

С какой завидной точностью оценивает переводческое мастерство Паоло Яшвили и с редким вкусом Рати Нинуа – представляет, с какими трудностями связан перевод поэзии на другой язык, с соблюдением самых оправданных и пригодных принципов.

Безусловно оправдано включение в сборник детских писем Рати Нинуа (писать он начал с шести лет), в основном приключенческого характера. Удивляет, как одиннадцатилетний мальчик смог так ясно, изящно писать, что не встречаешь ни одного непонятного, неясного предложения.

Особенно очаровал меня поэтичный, красочный дневник Рати Нинуа, который он вел в десять лет. Достоин удивления, что в столь юном возрасте с пироманиевской полнотой смог передать очарование тбилисских исторических кварталов. Трудно поверить, что эти пленительные строки написаны 4 октября 1987 года. Рати со сверстниками в ожидании праздника Тбилисоба. Воздух наполнен пьянящими запахами осени: «Осень очень к лицу окрестностям Старого Тбилиси. На возвышенностях буйно расцветают желтые и красные цвета. Наш двор украшают корни двух лоз; их старые листья как пожилые женщины желтеют, обесцвечиваются и стареют. Гроздь укрупняются, округляются, и видеть давящую и ртвели такая радость, как для детей Тбилисоба, до наступления которого осталось ждать совсем недолго...».

В многокрасочном разделе «Воспоминания» помещен не один любопытный материал. Смерть Рати Нинуа оплакивает патриарх современной грузинской литературы, награжденный божьей благодатью и талантом личности Чабуа Амиразджиби, кто словом

выразил непередаваемое страдание после гибели в Абхазии от руки наемного снайпера его подобного звезде сына Ираклия. Старейший писатель, живой классик пишет: «Стихи Рати Нинуа заставили меня прослезиться. Безмерна боль при мысли, что создатель этой изумительной поэзии так рано ушел из жизни... временного пристанища, хотя бессмертие себе обеспечил – творчеством Рати (Тато) Нинуа – прекрасная страница великой грузинской поэзии. Он был особенный человек. «Сгорел в собственном огне» и присоединился к числу рано ушедших гениальных юношей».

Искренним сожалением проникнут отклик Анны Каландадзе на гибель талантливейшего творца. Эти строки написаны три года назад, до того, как прах королевы грузинской поэзии был предан священной земле Мтацминда, в обители бессмертных. Привожу первый абзац: «С большим интересом я познакомилась с молодым поэтом Рати (Тато) Нинуа, с его, как сам пишет, «заботливо содержащимся», – и в его «сознании подстриженном и ухоженном саду» прошлась по тенистым тропинкам и обнаружила «небесные цветы», чей «своеобразный аромат будет долго сопровождать меня».

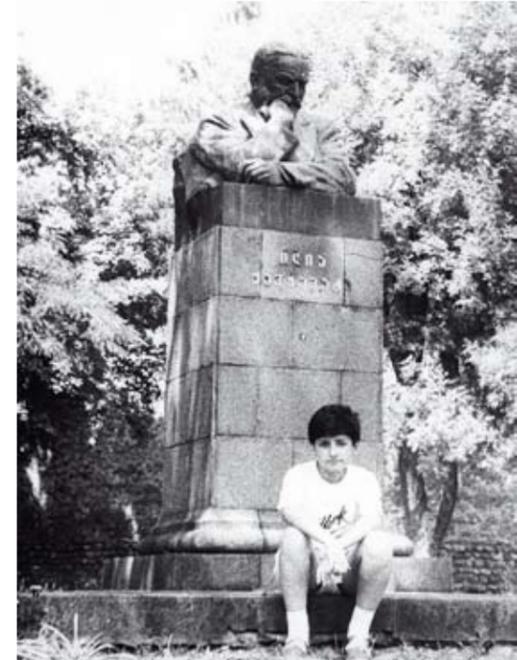
Несколько слов о первом поэтическом сборнике Рати Нинуа «Вишневые паруса», который он издал в бытность учащимся одиннадцатого класса, 17-ти лет, и любезно приглашает в «тенистый сад» своей поэзии.

Правда, в представленных стихах местами заметна неопытная рука (опыт со временем придет), но фантазия юноши настолько своеобразна и безгранична, что не оставляет равнодушным читателя.

Очень впечатляет своеобразием одно из первых стихотворений «Пустыня», в котором, как в «Пьяном корабле», автор заставляет заговорить саму пустыню: «В зените жаркого солнца растелюсь/Своими, зноем раскаленными руками./С растрескавшимися губами, я пустыня./От пересохшего песка задыхаясь пыльным кашлем». В стихотворении много ярких экзотических образов, и оно все такое динамичное.

Хочу отметить живое, жизнерадостное стихотворение «Бал зимой», в котором новогоднее настроение, восторг молодости, пестрота карнавала в головокружительном ритме переданы пятнадцатилетним Рати Нинуа. Здесь много красивейших картин, привести всех их невозможно, потому ограничусь одной строфой, дабы окинуть взглядом волшебным освещенным зал и ликующие лица танцующих: «Пары, кружась, обходят зал,/И плавно заполняют пространство,/Люстры рассыпают перламутр и алмазы;/И опять возвращаются вспять,/Пары кружась обходят зал».

Рати Нинуа с детства был фанатично влюблен в Кни-

У памятника Илье Чавчавадзе. Сагурамо

гу. В двенадцать лет увлекся сочинениями и личностью Фридриха Ницше (интерес к Ницше довольно часто проявляется среди юношества). Настолько тронула трагедия автора книги «Так говорил Заратустра», что шесть лет своей короткой жизни он посвятил основательному изучению психиатрии – этой сложнейшей области медицины, ознакомился с трудами всемирно известных ученых, приобретенные знания сопоставил с Ницше, отказался от не интересующего его, отдельно сгруппировал более достоверные симптомы и поставил «диагноз» великому философу, скончавшемуся два столетия назад, в своем многолетнем исследовании, очень значительном и интересном, – «Трагедия Фридриха Ницше».

Книге предпослано краткое предисловие ее редактора Георгия Гортамашвили, в котором речь идет о психологическом портрете великого немецкого философа Фридриха Ницше, написанном Рати Нинуа, о том дуализме, распаде единства психики, жесткой борьбе добрых и злых начал («Ницше в этой борьбе оказался на стороне Люцифера, это трагедия для него», – пишет редактор), что в конце помрачило его разум и привело к заболеванию шизофренией.

Хочу здесь же отметить прекрасное «Послесловие» Тамар Джавахишвили, в котором с редким теплом и любовью охарактеризованы достоинства труда Рати Нинуа, преданность, подлинная скорбь в связи с безвременным уходом юного поэта, кто разделил, очень остро пережил «несчастье души Ницше», смог «спасти страдающую душу философа».

Послесловие завершается так: «Рати Нинуа сказал нам зна-

придерживался того мнения, что Бог не простил Ницше величайшее заблуждение – пребывание на стороне сатаны – и строжайшим образом наказал. Его удел – «самый злостный психоз – шизофрения, а в шизофренической группе самая страшная «ядерная шизофрения».

Автор «Трагедии Фридриха Ницше» выражал надежду, что в XXI веке наука установит причины заболевания шизофренией. Трудно сказать насколько оправдается это предположение.

Думаю, было бы очень целесообразно оригинальный труд Рати Нинуа перевести на русский и европейские языки. Его следует сопроводить основательными комментариями специалистов, и тогда, наверное, в полной мере проявятся бесспорные ценности «Трагедии Фридриха Ницше», масштабы новаторского исследования ее автора.

Я еще не сказал, что заслуживающий всяческого внимания сборник «Взлетим с тобой» обязан своим выходом одному из выдающихся скульпторов современности Мерабу Бердзенишвили, за что ему выражают благодарность скорбящие родные и близкие Рати Нинуа. Кто сможет сосчитать множество таких богоугодных дел, которые он совершил? Недавно Мераб Бердзенишвили отметил свое 80-летие и эту славную дату встретил достойно, с невиданной титанической силой (и внешностью – с орлиным взглядом, с грудью Вулкана, разработанной великанскими мехами), создал памятник своего творчества – отличную от других, скульптуру Руставели, в которой со всей глубиной и величием выражена личность его любимого поэта и мудреца.

10 июня этого года в райском дворе скульптора, перед громадной мастерской собрались представители почти всех поколений общественности Тбилиси, чтобы увидеть новый шедевр юбиляра, с которого сняла покрывало юный музыкант, отмеченная печатью гениальности, Ирма Гигани. Все присутствующие выразили свое восхищение при виде скульптуры погруженного в глубокие раздумья поэта.

Взволнованным было выступление самого Мераба Бердзенишвили, который на протяжении всей жизни стремится запечатлеть облик Руставели, достаточно красноречив тот факт, что созданная в юношеские годы его дипломная работа – Руставели – в историческом месте пребывания грузин, украшает Большую Грузинскую улицу.

Мераб Бердзенишвили в тот незабываемый день с гордостью объявил: «Мы ни на одну минуту не должны забывать, что являемся потомками великого Руставели – его светлый гений на протяжении веков увлекает нас вперед и учит величайшей мудрости; и сам поэт таким был, иначе не вложил бы в уста любимого героя своей поэмы, Автандила, эти слова: «Я из тех, кто жизнь не выше ценит гнили огуречной, /Смерть за друга я считаю лишь утехой сердечной».

Присутствующим показалось, что именно эти заслуживающие запоминания слова, внушением озаренные, они прочитали на увенчанном лавром лбу Руставели. Тогда же я подумал, что ушедшему так рано Рати Нинуа, которому не было дано успеть раскрыть до конца свой редкий дар, было известно, верил непоколебимо – он прямой потомок Руставели – и жил, как подобает, по словам Руставели, всем совестливым людям.

Мне грешному, идущему по этой залитой кровью, отягощенной грехами планете, при взгляде на бездонное чистое небо и огненное солнце в зените, видятся в небесной белизне сожженные крылья мифического юноши.

Настойчивое стремление к небу и непреходящая мечта о полете требует жертвы.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Первел Арсен ЕРЕМЯН

КАРТИНЫ МИХАИЛА НЕСТЕРОВА Я ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛА В РУССКОМ МУЗЕЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. ИНТЕРЕСНО, ЧТО ПРИЛЕЖНО ПОСЕЩАЯ ЭТОТ МУЗЕЙ В 70-Х ГОДАХ В ПОРУ МОЕГО СТУДЕНЧЕСТВА, Я ОБНАРУЖИЛА ИХ ТОЛЬКО НА ЧЕТВЕРТОМ КУРСЕ. ОНИ БЫЛИ ТИХИ И ПОЛНЫ ГРУСТИ. МЕНЯ ВЗВОЛНОВАЛО ОДУХОТВОРЕНИЕ, ИЗЛУЧАЕМОЕ КАРТИНОЙ «ВЕЛИКИЙ ПОСТРИГ». БЛЕДНАЯ ОТШЕЛЬНИЦА С ОПУЩЕННЫМИ ГЛАЗАМИ, С ЩЕМЯЩЕЙ ПОКОРНОСТЬЮ СУДЬБЕ. «НЕ ЖИВОПИСЬ БЫЛА ГЛАВНЫМ, – ГОВОРИЛ НЕСТЕРОВ, – МНЕ... НУЖНА БЫЛА ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ». ВОТ ЭТУ ДУШУ Я И УВИДЕЛА.

«ДУМЫ МОИ НЕСЛИСЬ В АБАСТУМАН»

Нынешним летом в Абастумани юная послушница женского монастыря показала мне старинную вазу, бережно держа ее в руках. Ваза принадлежала Михаилу Нестерову, в которой он хранил свои кисти.

Что же связывало великого русского художника и высокогорное грузинское село?

Очень многое.

Абастумани Нестеров отдал пять лет своей жизни – с 1899 по 1904 год.

Зима в тот год была суровая. Сто лет назад, в феврале 1899 года Нестеров впервые ехал на Кавказ. Наследник престола цесаревич Георгий Александрович, живший подолгу в Абастумани, на горном курорте в Грузии по причине прогрессирующего туберкулеза, построил там на свои средства храм в честь Св.Александра Невского, и обратился в Академию художеств, чтобы ему порекомендовали художника для росписи храма. Назвали Нестерова. На предложение расписать церковь художник отозвался с живым интересом, и вскоре отправился в горы.

К тому времени Нестеров был известным художником. Ему уже 37, он член Товарищества передвижников, избран «академиком живописи». Уже существует понятие «нестеровская девушка», рожденная из

его скорби по утерянной жене – поэтический образ с безмолвной печалью, исполненный внутренней красоты и чистоты.

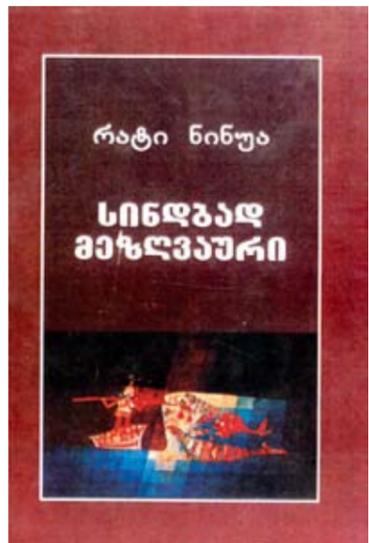
Начав свой путь в русле передвижнической эстетики, художник вскоре переходит к искусству выражения внутреннего мира человека. С начала 90-х годов Нестеров вплотную занимается храмовой живописью. Он преклоняется перед гением Васнецова, и на первых порах начинает подражать ему, но вскоре находит свой путь.

В его образах иконность сменяется психологической драмой, нестеровские святые более лиричны. Его храмовая живопись становится образцом своеобразного «церковного модерна» – декоративная стилизация, утонченность колорита и орнамента. И хотя он не считает себя монументальным храмовым живописцем, «оставаясь художником интимным», известность его растет.

И вот едет на Кавказ.

«Думы мои неслись в Абастуман. Что-то ждало меня в нем? Сумею ли я поставить себя так, чтобы не уронить достоинство художника?» – размышляет он в пути.

«На почтовой станции Боржоме мне была оказана честь, как и полагалось гостям наследника... Величали меня «ваше превосходительство». Самые лучшие яства и вина предлагались мне, пока спеш-

чительное. Обо всем этом задуматься – наш долг». Задуматься в самом деле стоит.

Известно, что Ницше имел болезненную склонность к страданиям; в его существовании также глубоко поселилась мания величия (к примеру, в одном частном письме отмечает – на немецком лучше всех пишу, лучше чем кто-либо из немцев писал). Этому явлению Рати Нинуа посвящает отдельную главу и напоминает: «Согласно христианской морали высокомерие, гордыня есть первый грех».

Занимающий христианскую позицию, Рати Нинуа

გზაგადასვლა
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
WAY PAPER

© 2008

Михаил Нестеров

но запрягли четверик великолепных, белой масти лошадей в отличную коляску, которая должна была доставить меня в Абастуман. Мы несемся... на лихих конях сквозь цепь гор. ...Въезжаем в ущелье, посередине которого стремится небольшая горная речка... Становится холоднее. Пошел снег... он становится гуще и гуще... А вот справа и новая церковь, та, которую мне скоро придется расписывать. Она в грузинском стиле, прекрасно выдержанном. Я с напряженным вниманием вглядываюсь в ее подробности. Все прекрасно, пропорционально. Купол каменный, красноватого приятного тона. Прекрасная папёрть, кое-где осторожно введен оригинальный грузинский орнамент, высеченный из камня же... Еще несколько минут, и мы во дворце, где обитает Георгий Александрович – второй сын императора Александра III». Цесаревич предлагает ехать сейчас же, засветло осмотреть церковь. Скоро они были там, где их ждали, в том числе духовник наследника протоиерей К. Руднев.

Сегодня настоятелем абастуманского храма Александра Невского служит игумен Максим. «Храм построен при жизни и на средства Георгия Александровича, – рассказывает отец Максим. – Когда цесаревич обходил наш край, он побывал в селе Зарзме – это в 40 километрах отсюда. Был потрясен красотой древнегрузинского храма и решил построить в Абастумани его точную копию. Но наш храм по размерам получился чуточку меньше. Его так и называли – «маленькая Зарзма в Абастумани». В 1896 году был заложен фундамент, строился он два года, и в 1898 году в присутствии цесаревича храм был освящен». Построенный из местного камня красивого горчичного оттенка, он сразу понравился Нестерову. Внутри церковь была обширна, четырехугольной формы в основании, переходящая в крестообразную под куполом. Стены были очень удобны для росписи. Прекрасный мраморный

иконостас.

Сразу на следующий день состоялась поездка в Зарзму. «Часа через два вдали на высокой скале показался великолепный Зарзмский храм... Храм отперли и перед нами предстало чудо не только архитектурное, но и живописное. Храм весь был покрыт фресками. Они сияли, переливались самоцветными камнями, то синими, то розовыми, то янтарными. Купол провалился, и середина храма была покрыта снегом. ...Мы заметили, что и часть фресок уже погибла. Погибла дивная красота... К вечеру мы были в Абастумане. За обедом Зарзма была главной темой разговоров».

Художник стал убеждать цесаревича в необходимости спасти этот храм от разрушения, и именно Нестерову он обязан тем, что в своем завещании цесаревич Георгий отпустил средства на его восстановление.

Нестерова радовала большая художественная работа, хотя и пугала своими размерами: в истории русской живописи 18-19 веков не было примера, чтобы целый храм расписывал один художник.

Очень скоро у Нестерова созревает колористический план абастуманской росписи. В деревянном дворце цесаревича Георгия, довольно небогатом (по его словам – «как выставочный павильон или подмосковная дача»), хранилась коллекция кавказского оружия. Художник увидел «большой кинжал в ножнах слоновой кости, с дивной золотой инкрустацией; этот кинжал дал мысль покрыть Абастуманскую церковь тоном старой слоновой кости и по нему вести золотой сложный грузинский орнамент».

Цесаревичу идея художника понравилась. Составляется смета росписи: полная – из пятидесяти восьми композиций в сто тысяч рублей, и сокращенная – в семьдесят пять тысяч рублей. Наследник утвердил стотысячную и принял все предложения без условий и сроков, предоставив художнику полную творческую свободу. Никаких комиссий или духовных цензоров. И уже в марте 1899-го были готовы первые эскизы, которые одобрены без замечаний.

Цесаревич высказал единственное пожелание: перед работой осмотреть древние грузинские церкви, на что Нестеров с радостью согласился. Искусство Грузии потрясло русского художника. Нестеров взахлеб рассказывает о древних монастырях, соборах, фресках... В Гелатском соборе художник восхищен мозаичной абсидой с Богоматерью: «Так она была выразительна, так благородна и нежна в красках, так свежа, как будто прошли не сотни лет с момента ее написания, а лишь год или два». Он делает акварельные наброски – одна из фресок послужит мотивом для абастуманского «Благовещения». Поразил его и собор Светицховели во Мцхета – «с сияющим крестом, такой гармоничный с окружающей его природой, с горами, среди которых он вырос и стоит сотни лет...»

В конце июня того же 1899 года в Абастумане внезапно скончался цесаревич. «Если бы оставался в живых наследник Георгий Александрович! – восклицает Нестеров. – При нем не было бы тех интриг, злоупотреблений, какие выпали на мою долю после его смерти». Из-за них работа потребовала больше времени, чем он предполагал. Нестерову пришлось заново готовить стены под роспись – обнаружилось, что материал для грунтовки стен был плохого качества. Из-за этого грунт вместе с золотым орнаментом лентами отставал от стен. Художник был в отчаянии: огромные затраты времени и денег были напрасны. Нестеров написал великому князю Георгию Михайловичу и вице-президенту Академии художеств графу И. Толстому, а в качестве «вещественного доказательства» отправил в Петербург отвалившиеся ленты грунта.

Вопрос был поставлен ребром: или все дело поручается ему одному, или он навсегда покидает Абастуман.

Условия Нестерова были приняты и тогда он взялся за дело. В Москве посоветовался с учеными-химиками, сам закупил новый материал для грунтовки и лично руководил работами.

Пора было приняться за роспись, но тут с дождями начал протекать купол. Комиссия разводила руками. Тогда Нестеров вызвал в Абастуман молодого архитектора А. Щусева. Тот справился с технической задачей моментально: пробил купол, освободив полый кирпич от воды, а потом придумал медную воронку вокруг креста и велел залить ее свинцом. Течь прекратилась. Купол начал просыхать.

В своем «новом стиле» Нестеров хотел сохранить веяние грузинских мозаик и фресок. Но оставил за собой свободу вносить «лирическое волнение» в образы святых.

Храм посвящен Александру Невскому. На одном из пилонов князь изображен смиренно молящимся. На северной стене храма композиция «Кончина Александра Невского», переданная со светлой печалью.

Георгий Победоносец был небесным покровителем цесаревича Георгия и в то же время это самый почитаемый святой в Грузии. Над входной дверью Нестеров поместил композицию «Христос во Славе», на которой Александр Невский и Георгий Победоносец предостоят Христу. Георгий у Нестерова – в образе грузина, Александр Невский – типичный славянин. Это ключевые образы замысла росписей. Подчеркивая различную этническую в ликах небесных покровителей, художник символизирует идею братства двух православных народов.

Изображением Святой Нины Нестеров отдает дань уважения Грузии. Это один из самых выразительных образов храма. Лицо Нины, не совсем обычное, было написано с сестры милосердия, приехавшей подышать горным воздухом.

Среди фресок с особой любовью почитается образ Пресвятой Богородицы «Знамение».

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд». (Откровение Святого Иоанна Богослова, 12:1) Миловидное лицо Божьей Матери со звездным венцом, в окружении ангелов, по сей день смотрит со стен храма с бесконечной нежностью.

«Это моя самая любимая фреска, – признается настоятель храма отец Максим. – Когда я стою на службе, все время смотрю на Богородицу, и всегда утешаюсь».

На губах и облачении Богородицы видны белые пятна. Это следы от пуль. «Разгул безбожия в 30-х годах, – констатирует игумен. – Слава Богу, с росписями ничего не сделали».

В те годы храм превратили в склад, уничтожили все, что могли. Разрушили крышу, святой престол, сломали мраморный алтарь. С 1988 года храм был заново освящен, и с тех пор он действует. Игумен Максим – пятый по счету настоятель. «Прихожан у нас человек двести. Абастумани поселок маленький, но люди пешком приходят из соседних деревень, чтобы побывать на службе и полюбоваться росписями».

Разглядываем фрески: Пантелеймон-целитель, мученица Александра, Серафим Саровский, пророки. Евангельский цикл. На куполе – Господь Бог Вседержитель, по краям – евангелисты.

Сто лет, прошедшие со времен росписи, дают о себе знать – фрески потемнели, местами облупились. Всего месяц назад была завершена их консервация. В течение четырех лет на пожертвования одного абастуманца, живущего сейчас в России, в храме проводились работы, чтобы приостановить дальнейшее разрушение драгоценных росписей. В июне 1904-го работы завер-

шались. Нестерову сообщили, что экзарх Грузии Алексей будет служить в церкви всю ночь. Когда художник впервые оглянул храм, освобожденный от лесов, он увидел «стройную, нарядную, сверкающую золотым орнаментом церковь».

3 июля церковь была в полном блеске. Экзарх просиял, увидя роспись. Уйма народу – всем хотелось посмотреть фрески, о которых только и говорили...

Абастуманский храм произвел большой эффект на современников не отдельными росписями, а общим колористическим ансамблем.

Храм Александра Невского в Абастумани

лем. Это была яркая праздничность. С. Дягилев, соредaktor «Мира искусства», посвятил эскизам Нестерова 12-й номер журнала за 1904 год. Все они были приобретены Русским музеем в Петербурге. В 1907 году Нестеров выставил их на своей выставке в Петербурге и Москве.

«Удастся ли что сделать в жизни действительно творческое?» – думал Нестеров сто лет назад по пути в Абастумани. Удалось. Фрески живы, ими утешаются.

Каждое воскресное утро отец Максим начинает службу в храме. Он неизменно глядит вверх, на нежный лик нестеровской Богородицы, из глаз которой струится бесконечная материнская любовь.

Клара БАРАТАШВИЛИ

дова). В рамках конференции состоялся концерт с программой из произведений К.Горского – от романсов, камерных скрипичных и фортепианных опусов, отрывков из опер, органной фантазии до грандиозных полотен духовной музыки. И конечно, самое сильное

В начале весны я получила письмо от заведующей кафедрой истории русской музыки Харьковской консерватории, музыковед Лидии Шубиной. «Наши польские коллеги, - писала она, - пожелали провести у нас конференцию памяти Горского. Нет ли у вас каких-либо материалов о пребывании Горского в Тбилиси?»

Но о каком Горском зашел разговор? В Тбилиси, с некоторыми перерывами, протекала сценическая жизнь артиста балета, дирижера и режиссера Горского (псевдоним Сурина Тер-Гевондяна). Знаменитый Александр Горский из Мариинки никак не был связан с грузинской столицей.

«Речь идет о Константине Антонии Горском, – уточнила Лидия Ивановна, - польском композиторе, скрипаче-виртуозе, дирижере. В музыкальной энциклопедии указано, что он какое-то время жил в Тбилиси».

И вдруг все переменялось. «Горский? Вы не замечали, какая фотография встречает вас при входе в экспозицию?», - удивилась директор музея консерватории Марина Чихладзе. Конечно, эту фотографию я знала. В центре первого ряда Чайковский в окружении Зарудной с Ипполитовым-Ивановым и еще двух музыкантов, а над ними - фигура молодого красавца с удивительной одухотворенностью в облике. Это Константин Горский. Марина Чихладзе любезно переписала на диск еще один снимок: Горский за пультом первой скрипки в составе квартета; другие его участники - И.Андроникашвили, Е.Колчин, И.Сараджев. Александр Сватиков, великолепный знаток Тифлиса, сразу определил «место действия» - летняя резиденция мецената Тамамшева, так называемая «мельница», которая находилась на окраине столицы, в Ортачала. «Вооруженная» этими сведениями, я стала искать упоминания о Горском в «Письмах» М.Ипполитова-Иванова.

Но самую большую находку дало изучение русской прессы после приезда Константина Казимировича в Тифлис в Национальной библиотеке Парламента Грузии, в отделе картвелологии. Материалы о концертной деятельности вошли в мой доклад на конференции в Харькове, посвященной 150-летию со дня рождения Константина Антония Горского (открытие состоялось 12 июня, в день рождения музыканта). Его главный организатор - генеральный консул Польши в Харькове доктор Гжегож Серочинский, большой почитатель музыки Горского, при активном содействии ректората консерватории, руководства и артистов филармонии. Музыкальной культуре Харькова Горский посвятил лучшие годы жизни (1898-1927), поэтому главными докладчиками были украинские музыковеды, а также представители Польши (Ярослав Шасинский, Анна Иеремус-Левандовска), Белоруссии (Радослава Ала-

впечатление оставило открытие 13 июня в харьковском костеле памятника музыканту.

Харьковские встречи можно описывать до бесконечности. С благодарностью вспоминаю знакомство с ректором консерватории, профессором Татьяной Веркиной, ее мужем, Петром Мчедловым-Петросяном, уроженцем нашего города. Физик с мировым именем, по мнению профессионалов, в своих познаниях в музыке он не уступает музыковедам. И еще встреча. В 1991 году в Ростове, в ходе конференции «Моцарт - Прокофьев» мне запомнилась докладчица из города Сумы Ирочка Драч. Она скоро уехала, и под Новый год я написала ей письмо, с высокой оценкой ее работы. «Большое спасибо за добрые слова, внимание, - отвечала она, - надеюсь, при новой встрече хотя бы частично оправдать оценку, которую вы дали моим скромным достоинствам». Новая встреча состоялась на конференции в Харькове с уже проректором по научной работе, доктором искусствоведения Ириной Степановной Драч.

А теперь – о Константине Горском. Весной 1882 года 22-летний выпускник Петербург-

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

Петр Чайковский и Константин Горский (стоит слева)

ской консерватории, ученик Н.Римского-Корсакова Михаил Ипполитов-Иванов был направлен в Грузию. Ему поручалось предложить администрации местной музыкальной школы открыть Тифлисское отделение Императорского Российского музыкального общества (ИРМО). Короткая командировка, как предполагалось сначала, обернулась насыщенной замечательными событиями жизнью в Грузии на протяжении почти 11 лет. Ему предстояло стать оперным и симфоническим дирижером, основать струнный квартет, возглавить дирекцию музыкальной школы, приступить к преподаванию музыкально-теоретических предметов и общего фортепиано. Вслед за ним в Тбилиси приехали молодые музыканты из России - питомцы Московской и Петербургской консерваторий. Многие из них Михаил Михайлович знал еще в годы учебы, но с кем он по-настоящему дружил, чье имя уже после разлуки на протяжении многих лет упоминалось в письмах, это Константин Казимирович Горский, «милый Костенька», блистательный выпускник Петербургской консерватории по классу профессора Леопольда Ауэра.

В Тифлисе Горский был назначен педагогом музыкальной школы. Через некоторое время он становится концертмейстером оперного оркестра, и, что очень важно, первым скрипачом струнного квартета, который стал главным показателем его исполнительского мастерства. «Ансамбль оказался настолько удачным, что наши вечера стали модными для Тифлиса и привлекали большое количество слушателей», - вспоминал на склоне лет Ипполитов-Иванов.

О педагогической работе К.Горского известно немного. О некоторых учениках Константина Казимировича узнаем из письма Ипполитова-Иванова В.Зарудной-Гарсевановой: «Сегодня вечером, - общал он своей теще, - у меня собрался весь генералитет. Фриде сидит у меня. Его сын занимается у Горского, потом подошел судейский генерал Брандт – тоже сын у Горского».

Горский был единственным преподавателем по классу скрипки, и с момента приезда в Тифлис в его классе обучались 15 учеников. Их приобщали к публичным выступлениям; в связи с этим большое значение приобрела практика т.н. «состязательных» концертов», открывшихся 20 сентября 1883 года. В этот день выступали воспитанники четырех педагогов разных специальностей, в числе которых был Горский. «Первое ученическое утро состоялось в воскресенье и довольно удачно. Публики собралось довольно, и исполнение было для учеников очень и очень хорошее», - сообщал в письме Ипполитов-Иванов.

Первые обнаруженные сведения в прессе о публичных выступлениях Горского относятся к началу 1884 года. В большом симфоническом вечере 21 января Горский участвовал во втором отделении. В программу струнного квартета с увеличенным составом вошли вальс из «Серенады» Чайковского и «Менуэт» Боккерини. Концертом дирижировал Иосиф Труффи, руководивший итальянской оперой; однако, после того, как оперная антреприза перешла к Ивану Питовеву, почитателю русской оперы, он в скором времени уступил свой пост прибывшему в Тифлис Ипполитову-Иванову.

В конце января Горский выступил в Музыкальном собрании Тифлисского отделения ИРМО. Событие отразилось в короткой рецензии ценной для нас впечатлением об игре Горского. «Небольшой зал Музыкального общества был почти полон. Публика, состоявшая из персонала преподавателей, преподавателей, учащихся и любителей как нельзя более соответствовала названию самого собрания. Программа на этот раз отличалась не столько количеством, сколько ка-

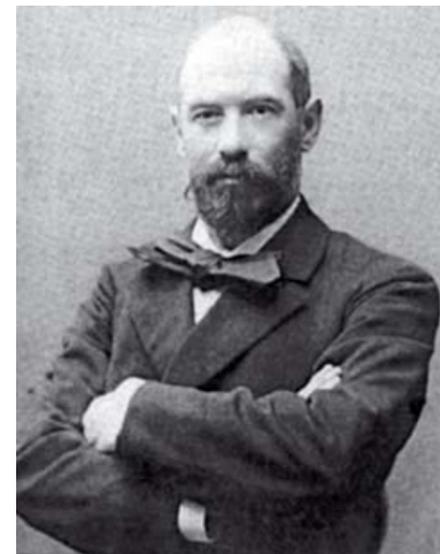
чеством. Всего были исполнены три пьесы: квартет Шуберта, Folie d'espagne Корелли-Давида и квинтет Шумана. Прекрасное во всех отношениях исполнение последней пьесы возбудило во всех слушателях восторг и зал огласился рукоплесканиями. Скрипка г. Горского положительно покоряет всех своей задушевностью... Вообще следует заметить, что заправители Музыкального общества со знанием и любовью относятся к своему делу; музыкальная школа, видимо, процветает и развивается, а такие преподаватели, как гг. Горский и Бетинг являются наиболее желательными».

В новом сообщении по случаю дня тезоименитства Государа императора (26 февраля) отмечается становление концертной элиты, устойчивого ядра первоклассных исполнителей; при этом первыми называются В.Зарудная и К.Горский. У такого избрания была и обратная сторона. Востребованность принуждала артистов чуть ли не к ежедневным концертам, участию в благотворительных концертах. Должно быть, спасала молодость.

Вскоре пресса стала подмечать вынужденную заторможенность в обновлении репертуара, не всегда желательное повторение программы, что стало влиять на отношение публики. Укажем, что центром программы обычно были камерные ансамбли – квартеты, трио, где Горский исполнял партию первой скрипки, его игра неизменно вызывала одобрение слушателей и газетной критики. Достаточно часто Константин Казимирович выступал и как солист; ему аккомпанировал Людвиг Бетинг, прекрасный пианист и педагог такого класса, что жалование его в училище было больше, чем у директора Ипполитова-Иванова. Но главным его партнером стал выпускник Московской консерватории Генуарий Корганов, который после продолжения образования в Лейпциге вернулся в Тифлис. О способностях этого музыканта был высокого мнения П.И.Чайковский. Обще-

ние с 26-летним «Геничкой» - композитором, пианистом, «неизменно пожинавшим лавры», бескомпромиссным музыкальным критиком, известным не только замечательной эрудицией, прекрасным знанием классической и современной музыки, но также остроумием и остроловием, судя по письмам, доставляло немало удовольствия Петру Ильичу. Вместе с Горским Корганов стремился разнообразить программу концертов исполнением малоизвестных произведений, вместе с Горским охотно представлял на суд публики только что созданные опусы («Ария для скрипки» Горского, «Баяты» для фортепиано Корганова).

В начале 1885 года в газете «Новое обозрение» появилась статья – рецензия на четвертое собрание ИРМО. Она проникнута неприкрытым желанием скомпрометировать Ипполитова-Иванова. Плохую посещаемость концертов критик объясняет тем, что дирекция отделения полностью игнорирует свои задачи: в репертуаре отсутствуют музыкальные новинки,

Константин Антоний Горский

камерные ансамбли, при весьма сомнительном исполнении, заиграны; к тому же засилие их в программе делает концерты утомительными. Автор говорит о слабом исполнении струнных квартетов Бетховена и Мендельсона, при всем артистизме игры Горского, скрипка которого так выделялась в общем ансамбле; только он неукоснительно следовал тексту, в то время, как его партнеры то и дело отставали или забегали вперед, и лишь благодаря его участию исполнение удалось завершить. На фоне нынешнего развала концертной жизни анонимный автор вспоминает о времени, когда организацией симфонических вечеров руководил дирижер Труффи, предшественник Ипполитова-Иванова. Выступление критика завершается пожеланием дирекции ТО ИРМО «обратить более серьезное внимание на свои музыкальные собрания и не уделять на дела музыкальной школы лишь свой послеобеденный досуг». Среди высказанных замечаний существенно то, что при ТО ИРМО «нет постоянного квартета, и состав его, находясь в полной зависимости от театрального оркестра, за исключением первой скрипки, постоянно мечется».

Эта публикация вызвала опровержение Г.Корганова, который первым из тифлиских критиков начал подписывать статьи полной фамилией. «То, что не посещаются концерты Музыкального общества, вполне естественно — публика еще не успела привыкнуть к ним. Знает ли критик «Нового обозрения», что не так еще давно, лет 15-16 тому назад, квартетные собрания Петербургского отделения ИРМО были совершенно пусты, несмотря на таких исполнителей, как гг.Рубинштейн, Венявский, Давыдов». И о каком качестве исполнения может быть речь, если нет постоянного состава квартета? «Автор собирался уколота г.Ипполитова-Иванова, - иронизирует критик «Кавказа», - думая о том, что на нем лежит обязанность руководителя исполнения квартетов, но не попал в цель

Квартет на мельнице Тамамшевых

— во всех благоустроенных музыкальных учреждениях эту обязанность исполняет первая скрипка». Главным событием, осветившим пребывание Горского в грузинской столице, надо полагать, было общение с Чайковским, который в 1886-1890 гг. посещал Тифлис, где проживал его брат, Анатолий Ильич - юрист, сенатор, губернатор.

Первая встреча с Петром Ильичем состоялась в 1886 году. В симфоническом собрании 19 апреля с программой из произведений великого композитора

Горский сыграл «Меланхолическую серенаду».

Музицирование в присутствии Чайковского продолжалось и в последующие его приезды. Горский был постоянным участником квартетных вечеров, которые по субботам устраивались в доме князя Иосифа Андроникашвили. Это замечательный деятель грузинской музыкальной культуры, наделенный разносторонними дарованиями - инженер, скрипач, фотограф-любитель, причастный к созданию тифлисской иконографии не только Чайковского, но, надо полагать, и Горского. В домашних квартетах Андроникашвили поначалу исполнял партию первой скрипки, однако после приезда Горского оставил за собой вторую; альтистом был назначен Е.Колчин, яркий музыкант, ученик Венявского, а виолончелистом - недавний выпускник Московской консерватории по классу В.Фитценгагена И.Сараджев (Сараджишвили).

Мемуары Андроникашвили проливают свет на значение, которое придавал Чайковский этим вечерам, а также на некоторые подробности участия в них Горского. Петр Ильич, который регулярно присутствовал на «квартетных» субботах, не допускал, чтобы по какой-либо причине исполнение могло сорваться. Однажды, когда не явился Сараджев, он исполнил партию виолончели на фортепиано. В другой раз не пришел Колчин. Горский предложил сыграть вместо квартета трио Бетховена, взяв себе партию альтя. Однако, Андроникашвили, которому в этом случае предстояло занять пульт первой скрипки, категорически отказался, не решаясь читать «с листа» в присутствии знаменитого гостя. Но Петр Ильич уговорил его. В результате, были исполнены все трио Бетховена, притом одно из них Чайковский попросил повторить. Таким образом, Горский как первый скрипач участвовал в двух квартетах, и надо сказать, состав ансамбля был в основном стабильным именно в салоне Андроникашвили.

Игру Горского Чайковский слушал также 26 мая 1889 года во втором музыкальном собрании ТО; в ансамбле с выпускницей училища Е.Баркановой он исполнил сонату Грига. Об этом Ипполитов-Иванов вспоминает в письме к Чайковскому, когда просит Петра Ильича помочь пианистке Е.Баркановой получить разрешение на участие в конкурсе для поступления в Парижскую консерваторию. И вот еще одно трио, притом исполненное в присутствии автора.

В мае 1890 года Тифлисское Артистическое общество торжественно провожало Чайковского из грузинской столицы, куда ему уже не суждено было вернуться. За авторским концертом последовал обед в Орточалах, затем волнующие проводы до Белого духана. Известный музыковед Василий Корганов впоследствии вспоминал о выступлении в этот вечер В.Зарудной, которая «бесподобно спела несколько элегических романсов, точно созданных для ее манеры пения», о Горском и Сараджеве, «гладко» сыгравших «прелестное трио, в котором фортепианную партию старательно провел Людвиг Иванович Бетинг».

Летом 1890 года Чайковский написал струнный секстет «Воспоминание о Флоренции». Первое исполнение, по решению композитора, предполагалось в Тифлисе, но состав участников ансамбля внушал ему сомнения. «Можно ли набрать шесть исполнителей? Горского нет» - тревожился Петр Ильич в письме к Ипполитову-Иванову. «...Есть артисты, которые могут и с удовольствием исполнят твой секстет», - успокаивал его адресат. — На место Горского мы пригласили Пестеля - тоже отличного музыканта, кроме него у нас есть Колчин — прекрасный второй скрипач, словом, состав будет если не первоклассный, то, во всяком случае, вполне приличный».

Мария КИРАКОСОВА

ПАМЯТНИК ГОРДОСТИ И СКОРБИ

Борис Тихонович Руденко вписал свое имя в историю науки. О его трудах пишут, их цитируют. Однако сведений о нем не найти в энциклопедических изданиях, хотя литературная, научная, педагогическая, переводческая, библиотечная и просветительская деятельность нашего земляка была обширной и плодотворной. Поэтому так дорог для нас каждый новый факт жизни и творчества этого выдающегося гражданина Тифлиса, посвятившего свой талант популяризации грузинского языка и литературы.

Руденко, кандидат наук по экономике и филологии, крупный русский филолог, переводчик, востоковед-кавказовед, знаток европейских языков и древнегрузинского языка, автор работ по грузинскому языку и литературе, родился 27 сентября (по старому стилю) 1896 года в Тифлисе. Его отец — Тихон Иванович — главный врач Тифлисского военного госпиталя и консультант по внутренним болезням, действительный член Кавказского медицинского общества, автор ряда научных работ по медицине, один из самых эрудированных врачей Кавказа. Мама — Александра Ивановна Дунаева, была среди первых выпускниц женских курсов при Петербургском военном госпитале, которые получили право на самостоятельную врачебную деятельность. В ее родительском доме в Москве частыми гостями были многие выдающиеся люди, в том числе Л.Н.Толстой и композитор Дмитрий Аракишвили. Александра Ивановна, наряду с медициной, увлекалась музыкой и прекрасно играла на рояле. Любовь к музыке передалась к сыну. Борис Тихонович играл на рояле и струнных инструментах. Обладатель тонкого музыкального слуха и чудного голоса, он удивлял слушателей. Кроме музыкальных способностей, у него была способность к языкам и математике. Он был весь соткан из талантов — удел избранных. С детства наряду с русским языком, для него родными были грузинский, французский, немецкий и английский языки. Кроме того, он владел латинским, армянским и персидским языками. Среди его частных педагогов грузинского языка был Василий Карбелашвили (1858-1934), известный текстолог, исследователь древнегрузинского церковного пения.

Блестящее образование и врожденные способности к анализу и обобщению давали Борису неограниченные возможности роста и успеха в науке, и он в 1914 году, после окончания второй тифлисской мужской гимназии, поступил на экономический факультет Петербургского политехнического института. Первая мировая война, смерть отца в 1915 году, революции, гражданская война. Вернувшись в родной Тифлис, он продолжил учебу на экономическом факультете политехнического института. В начале 1922 года Борис Тихонович назначается заместителем директора Государственной центральной академической библиотеки (бывшей библиотеки Закавказского сейма). В 1923 году она сливается с Государственной республиканской публичной библиотекой, и Борис Тихонович

Борис Руденко

становится заместителем директора Государственной республиканской публичной библиотеки (ныне Национальная парламентская библиотека Грузии). В начале 1924 года он принимает предложение возглавить библиотеку ГПИ. Заведование библиотекой совмещает с переводческой деятельностью и преподаванием английского и французского языков в вузах Тифлиса.

Касааясь деятельности Б.Руденко в области библиотечных дисциплин, необходимо отметить, что она была шире. В Грузии до 1931 года разработкой проблем научного библиотековедения занимался библиотечно-библиографический кабинет при Доме внешкольного образования. Являясь секретарем библиотечно-библиографического кабинета на начальном этапе его функционирования, Руденко был среди тех, кто лелеял надежду, что книжные коллекции на всех языках библиотек будут отражены в сводном каталоге. По инициативе и при непосредственном участии библиотечно-библиографического кабинета с мая 1924 года началась работа по составлению сводного каталога грузинских книг специальной комиссией в составе Бориса Руденко, Елены Гориной, Иванэ Цицишвили и Виктора Броссе. Первоначальная программа предполагала составление каталога всех имеющихся в библиотеках Грузии книг. Однако задача оказалась трудновыполнимой из-за нехватки средств. Поэтому решили выполнить эту работу поэтапно и издать прежде сводный каталог книг на грузинском языке в библиотеках Тифлиса. Ка-

талог решено было издать в три этапа: книги, изданные в 1921-1924 гг.; книги, изданные в 1911-1920 гг.; книги, изданные в 1910 году и раньше. Вслед за ним собирались издать сводные каталоги книг на азербайджанском, армянском, русском и других языках в библиотеках Тифлиса. В архиве Национальной парламентской библиотеки Грузии сохранилась рукопись отчета о деятельности библиотечно-библиографического кабинета при Главпросвете ГССР, составленного Борисом Тихоновичем, предположительно в мае 1924 года.

Сводный каталог грузинских книг тифлиских библиотек, часть первая (1921-1924) был издан в январе 1925 года и состоял из 7000 наименований книг в 30.000 экземплярах.

В октябре 1924 года, после успешной защиты дипломной работы на тему: «История и деятельность Кахетинского союза кредитных и ссудосберегательных товариществ», Борис Тихонович получил диплом об окончании вуза и степень кандидата экономических наук. Сферой своей дальнейшей научной деятельности он избирает языковедение и активно включается в работу Кавказского историко-археологического института. В начале тридцатых годов он с семьей переезжает в Ленинград, где продолжает

Блокадный Ленинград

учебу в аспирантуре, избрав сферой своих научных интересов грузинский язык и литературу. В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения СССР в Ленинграде на тему: «Опыт систематизации грамматических явлений современного литературного грузинского языка». Большой успех в научной среде имел доклад Бориса Тихоновича на тему: «Навои и грузинская поэма «Бахрам Гуриани». Юбилею Шота Руставели посвятил свой перевод поэмы «Висрамиани». В 1940 году вышла в свет на русском языке его «Грамматика грузинского языка».

Великая Отечественная война застала Бориса Тихоновича в Ленинграде, он считал долгом защищать город, который приютил его и предоставил возможность реализовать научный и творческий потенциал. Жену убедил эвакуироваться в Тбилиси, ради спасения жизни дочери Маргариты. В блокадном Ленинграде, сам отчаянно голодая, делился своим скудным пайком. Об этом я узнала из воспоминаний библиотекаря Тбилисского государственного университета Тамары Кипиани (1908-1978), опубликованных ее семьей через двадцать пять лет после ее смерти под названием «Блокадная тетрадь». Тамара Георгиевна до начала Великой Отечественной войны работала заведующей библиотекой Союза писателей Грузии, а затем уехала в Ленинград, где продолжила учебу в Первом Ленинградском педагогическом институте иностранных языков, вышла замуж за астронома Валентина Стебляков и два предвоенных года совмещала учебу с работой в Институте востоковедения АН СССР. Ученым секретарем кавказского кабинета в Институте востоковедения был Борис Тихонович Руденко, а она заведовала

кавказскими фондами института. В книге «Блокадная тетрадь» есть эпизоды из жизни Бориса Тихоновича. Он делился с ней горсткой картофельной кожуры. Истощенный и обессиленный от голода, Борис Тихонович сидел дома за столом, съезжившись от холода, дремал. Услыхал ее шаги и заплакал от радости, повторяя, что не надеялся на встречу. Узнав, что ее муж слег, достал дрожащими руками спичечный коробок и отсыпал для него табаку. С трудом передвигаясь, отвел ее в столовую и попросил налить ей в кастрюльку свою порцию супа. Зимой аспиранты нашли Бориса Тихоновича на улице и на санках привезли в институт, где он жил с небольшой группой оставшихся сослуживцев. Яков Киршенблат (сын известного в Тифлисе врача, Давида Абрамовича) описал последние два дня его жизни: «Борис выглядел сильно истощенным, с отечным лицом и провалившимися висками. Его могло спасти, пожалуй, только усиленное питание, но на его столе лежали кусок черного хлеба и пара лепешек дуранды. Еще вечером он довольно бодро разговаривал со своими сожителями по комнате, приводил им примеры из прочитанных рассказов, а к утру тихо и незаметно ушел из жизни».

Кто знает, каких усилий стоило Борису Тихоновичу завершить перевод с древнегрузинского языка на русский язык поэмы «Семь планет» (Бахрам-Гуриани) (первая половина XVII в.), написать предисловие и составить примечания. Свой научный труд он завершил перед самой смертью. В январе 1942 года Бориса Тихоновича не стало. Он скончался в своем кабинете, а на его столе осталась лежать рукопись научно выверенного литературного перевода поэмы. В предисловии к третьему тому «Советское востоковедение» (Л., 1945) академик Игнатий Крачковский писал: «Настоящий том... навсегда останется памятником гордости и скорби для ленинградских востоковедов — гордости, потому что он был закончен работой и набором в суровые дни осажденного осенью 1941 года Ленинграда, скорби, потому что из восемнадцати авторов, участников его, восьми уже нет в нашей среде. На Ленинградском фронте погиб А. М. Барабанов, тяжелой зимы не вынесли А. Н. Генко, П. П. Иванов, А. И. Пономарев, Б. Т. Руденко».

К сожалению, при переводе на русский мемуаров Тамары Кипиани «Блокадная тетрадь» допущена неточность: у Бориса Тихоновича не было сына, была дочь Маргарита, от отца унаследовавшая блестящие способности к изучению языков, от обоих родителей — любовь к музыке (играла на рояле). После окончания войны она возвращается в 1946 году в Ленинград, поступает на кафедру иранской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета, который заканчивает в 1951 году. Маргарита Руденко внесла большой вклад в исследование курдского фольклора и этнографии, стала основоположником литературоведческого направления в курдологии. Она - автор первого в мире цикла лекций по истории курдской литературы. Впервые в истории мировой курдологии осуществила перевод с курдского и критический анализ ряда произведений средневековых курдских поэтов. Впервые в истории отечественной ориенталистики опубликовала полный каталог курдских рукописей, хранящихся в Ленинградской публичной библиотеке. Как и отец, она, будучи безнадежно больной, до последних дней не прекращала научной деятельности, готова к изданию книги «Юсуф и Зелиха» и «Курдская обрядовая поэзия». Многого достигла за свою недолгую, трагически оборвавшуюся жизнь. Жизнь отца и дочери Руденко - пример высокой духовности и самоотверженного служения науке.

Нинель МЕЛКАДЗЕ

ГОРДОСТЬ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА

Тамара Белоусова

Прямая осанка, гордый взгляд, приятный, уверенный голос, то, что называют сегодня модным словом «харизма», — настоящая царица цариц, как назвал ее однажды тогдашний посол России в Грузии Владимир Земский на приеме по случаю гастролей театра имени А.С.Грибоедова в Батуми. Кстати, тогда коллектив показал в этом городе спектакль «Распутин», в котором эта актриса сыграла царственную особу... «Вы у нас проходите под кодом царица цариц!» - сказал дипломат.

Речь идет о Тамаре Васильевне Белоусовой-Шотадзе, народной артистке Грузии, любимице театральной публики Тбилиси.

Белоусова — уроженка Западной Украины, десятилетку окончила в Тбилиси. Семья хотела, чтобы девушка изучала иностранные языки и связала свою профессию именно с этой сферой, однако Тамара поступила по-своему, чувствуя свое истинное призвание, — успешно сдала экзамены в училище при киностудии. Экзамены принимали известные режиссеры.

- Во время вступительных экзаменов мы с Отаром Коберидзе показали этюд, - вспоминает она. - Наши судьбы разошлись — я стала актрисой театра имени Грибоедова, Коберидзе - звездой грузинского кинематографа. Наверное, эта встреча имела

судьбоносное значение для каждого из нас. Период учебы связан для меня с очень приятными воспоминаниями. Помню, как к нам в вуз пришел сам Владимир Иванович Немирович-Данченко. Все страшно волновались: мы должны были показывать этюды. Немировичу-Данченко предстояло подняться по крутой лестнице, вдоль которой стояли встречавшие его студентки с цветами... Осторожно, медленно Владимир Иванович преодолел подъем. Вместе с ним был главный режиссер Сухумского театра Борис Бертельс, эвакуировавшийся из России в годы войны. С Немировичем-Данченко он смотрел наши этюды, а потом пригласил меня в Сухумский театр — по окончании училища... Тогда я даже не мечтала, что когда-нибудь буду работать на сцене театра Грибоедова — элитарном театре того времени. Мы, студенты, бежали на галерку и безмерно счастливые смотрели замечательные спектакли грибоедовцев...

Сразу после училища Тамара Белоусова едет в Сухуми, где спустя два года встречает День Победы... Этот период был очень плодотворным для начинающей актрисы. Тамара Васильевна сыграла Нину в «Маскараде» Лермонтова, Беатриче в «Слуге двух господ» Гольдони...

- Помню, как мы получили возможность немного приодеться — нам выдавали тюки с американской

С Элизбаром Кухалишвили

одеждой, и мы перестали носить марлевые юбки. Нас всячески поддерживал первый секретарь Сухумского горкома и обкома Абхазской АССР Акакий Мгеладзе. «Вы были вчера на премьере?» - строго спрашивал он своих подчиненных на совещании. Получив отрицательный ответ, Мгеладзе говорил: «Пока не посмотрите премьеру, не приходите!» В театре мне сразу стали поручать главные роли. У Бертельса мы учились не переступать границу дозволенного, он воспитывал в нас чувство ответственности...

Однажды после спектакля «Так и будет» К.Симонова выхожу на улицу. Кругом темень. Смотрю, стоит у театра группа людей. «А мы вас тут ожидаем! Были на вашем спектакле. Почему вы не в Тбилиси?» - строго спросила меня женщина - это была знаменитая художница Елена Ахвледиани. Не помню, что ответила - растерялась... А меня потом долго еще не отпускали из Сухуми. Только в 1946 году мне вручили удостоверение, приравнивающее меня к участникам войны, и я покинула город. Помню, даже расплакалась: «Хочу к родным!» И руководители выпустили меня, выразив некоторое сомнение: «Вы надеетесь, что попадете в театр Грибоедова?» Не знаю, на что я надеялась, но в 1946 году все-таки стала актрисой этого театра... В Тбилиси я была буквально опьянена атмосферой города. Мы жили в центре. Оперный театр, на сцене которого выступали лучшие силы России, талантливые грузинские артисты, а буквально в двух шагах распо-

лагались театр Руставели, симфонический оркестр, музыкальный театр, легендарные «Воды Лагидзе» с бесподобными слоеными хачапури! А какие люди заходили сюда... Я словно попала в атмосферу праздника. Мною овладела жажда познания мира во всем его многообразии, пестроте проявлений.

Когда я пришла в театр Грибоедова, меня вскоре стали вводить на роль Лидии в спектакль «Бешеные деньги». Встретилась с такими замечательными мастерами сцены, прекрасными актерами. Е.Сатина, И.Бодров, Б.Вяземский, А.Смиранин, К.Добжинский, А.Смирнова... Главным режиссером тогда был Александр Такашвили. Я была потрясена! Сначала они отнеслись ко мне немного снисходительно, но когда я занялась своим делом, изменили свое отношение... Кстати, до меня роль Лидии играла более опытная актриса - Е.Ковальская.

Вспоминается в связи с этим спектаклем один забавный случай. Шла сцена, когда моя героиня Лидия трагическим голосом просит денег. Я прилегла на софу и... потеряла сознание. Партнер ждет моей реплики, а я молчу. И тут Анатолий Смиранин, игравший Глумова, начинает произносить текст за меня: «Она говорит, что ей нужны сорок тысяч рублей!» В зале раздается смехок. Я - Лидия - продолжаю хранить молчание. А Смиранин вынужден продолжать: «Она говорит, что ей нужны... бешеные деньги!» Екатерина Сатина, игравшая мою мать, схватила за голову. В зале - смех. И тут я пришла в себя, в ужасе вскочила и увидела, что актеры бук-

вально рассыпались от меня по сторонам.

...После этого случая я думала, что Смиранин не захочет больше быть моим партнером на сцене, но ошиблась: мы сыграли вместе еще в пяти спектаклях. Один из них - «Без вины виноватые». Помню, как тщательно выстраивал спектакль и роли режиссер А.Южанский. Я играла Коринкину.

Еще одна встреча с Островским - спектакль «Волки и овцы», где я выступала в роли Глафиры, а моими партнерами были К. Мюфке и А. Смиранин.

По-своему уникальным и очень любимым зрителями был спектакль «Горе от ума» в постановке Александра Такашвили: я сыграла Софью, моими партнерами оказались И.Русинов, Д.Славин. Спектакль по Грибоедову, шедший на грибоедовской сцене, имел успех, а в антракте зрители сыпали цитатами из пьесы, выдумывали новые афоризмы: «Безумным счастье от безумия, а умным горе - от ума!»

Я встретила с мастерами старшего поколения, а потом, в разное время, появились новые интересные актеры - Лидия Зверева, Наталья Бурмистрова, Нонна Плотникова, Муся Кебадзе, Валентина Семина, Ариадна Шенгелая, Валентина Воинова, Людмила Артемова-Мгебришвили, Нелли Килосанидзе, Лариса Крылова, Ирина Квицинадзе, Замира Григорян, Ирина Мегвинетухцеси, Карина Кения - неплохая команда, правда? Мы все делали единое дело. С некоторыми мы подружились семьями и были неразлучны, вместе преодолевали все трудности, помогали, поддерживали друг друга в горе и радости, отмечали вместе праздники. Но судьба-злодейка разбросала нас кого куда...

Пришла новая волна московских артистов во главе с Павлом Луспекаевым.

Однажды возникла ситуация, когда я вынуждена была на время расстаться с театром. Сообщила о своем нелегком решении главному режиссеру А. Такашвили и директору Д.Антадзе. Антадзе собрал весь коллектив в нашем любимом, историческом синем фойе - здесь отмечались юбилеи, праздники, проводились капустники. Здесь же находился прекрасный портрет Александра Грибоедова работы Ирины Штенберг. Словом, это было особое место... Именно в синем фойе Антадзе обругал меня за то, что я собираюсь уйти из театра, сказал, что я не имею права этого делать. Такашвили, вызвав меня в кабинет, предупредил: «Вы не сможете жить без театра, даже если будете благополучны во всех отношениях. Никакие ценности не смогут заменить театр!» Но я все-таки ушла чтобы спустя небольшое время вернуться. Зашла в кабинет директора и просто сказала: «Хочу снова работать в театре!» И тут же была принята.

Вскоре Белоусовой поручили роль Мзии в спектакле «Хевисбери Гоча» в постановке Д. Антадзе. Как вспоминала журналист Нелли Узнадзе, во время Декады грузинского искусства в Москве в 1958 году был с успехом показан этот спектакль, и на пресс-конференции с участием коллектива критики хвалили постановку грибоедовцев и особо отмечали работу Тамары Васильевны... В числе критиков была и известный московский театровед Татьяна Шах-Азизова.

- Когда наш самолет после Декады приземлился на грузинской земле, я вдруг почувствовала, что, кроме Тбилиси, нигде не хочу жить, и, кроме театра Грибоедова, нигде не хочу работать! Потому что люблю Грузию, грузинскую культуру!

У Тамары Васильевны всегда было много поклонников, почитателей ее таланта, красоты и обя-

«Эзоп». Лея - Тамара Белоусова

ния. Да и партнеры по сцене не могли не ощущать особой притягательности этой актрисы. Об этом говорил актер Мавр Пясецкий: «Она еще не вышла на сцену, но я уже слышу ее голос и чувствую себя мужчиной - это какой-то магнетизм!»

Благодарные зрители дарили ей корзины цветов, подарки... Но Тамара Васильевна была всегда равнодушна к подаркам.

- Для меня тряпки, обстановка никогда не были ценностями, - говорит она. - Дороже театра для меня никогда ничего не было! Я никогда не изменяла театру имени Грибоедова, и он не оставляет меня по сей день, за что я бесконечно признательна его руководству и всему коллективу...

Тамаре Васильевне Белоусовой-Шотадзе довелось работать со многими интересными режиссерами - такими, как Александр Такашвили, Додо Антадзе, Петр Фоменко, Александр Товстоногов, Гизо Жордания, Георгий Кавтарадзе, Авто Варсимашвили...

Сандро Товстоногов, переезжавший в Москву, сказал Белоусовой во время прощания с актерами: «Вы принадлежите к тому клану артистов, которым не страшна никакая замена режиссуры!» Он был абсолютно прав - Тамара Васильевна с каждым из них умела найти общий язык - это был язык творчества.

Сегодня Тамара Васильевна, которой были подвластны разноплановые роли - трагические, драматические, острохарактерные, с удовольствием

вспоминает минуты творческого вдохновения и актерского азарта. Те, кому посчастливилось увидеть актрису в спектакле Петра Фоменко «Дорога цветов» по пьесе В. Катаева, наверняка и по сей день помнят яркий образ Веры Газгольдер, созданный Белоусовой.

- Фоменко сделал, создал мне эту роль так, как он ее представлял – начиная от костюма и кончая всем остальным. Моими партнерами были замечательные актеры Даниил Славин и Джемал Сихарулидзе. Это был настоящий фейерверк гротеска с элементами эстрадного номера! Фоменко максимально использовал мои возможности – сцена была сыграна, если так можно выразиться, на острие ножа! Это был новый стиль актерской игры на грани фола. Словом, мы творили то, что до Фомен-

После спектакля

ко никогда не делали, – нечто совершенно новое и неожиданное. «Словно я попал в другой мир!» – говорили коллеги.

Довелось мне работать и с Робертом Стуруа – свой дипломный спектакль «Сокровище» Пристли он поставил в театре имени Грибоедова и занял в нем Валентину Семину и меня...

Вспоминаю и свою Эдну из спектакля «Бабочка, бабочка» А. Николаи (постановка Л. Джаша,

Л. Мирцхулава)... Мой образ был интересно выстроен, спектакль в целом отличался богатой палитрой. Я проживала вместе со своей героиней ее трагическую судьбу. Запомнилась такая сцена. Я сижу, жду клиента. На столе стоят бокалы. Приходит молодой человек, и я наполняю бокалы вином. Причем делаю это медленно, потихоньку, что создавало особую атмосферу интимности... Позднее выясняется, что этот молодой человек – сын, брошенный мной когда-то ради красивой, беспечной жизни, которую моя героиня так и не находит... Его играл Сергей Дроздов. В финале сын навсегда уходит, а зрители жалеют мою непутевую, несчастную Эдну.

С удовольствием играла бабушку в спектакле «Дом Бернарды Альбы» Лорки – режиссер-постановщик Котэ Сурмава говорил, что по этой работе можно защищать диссертацию.

А однажды нас посетил Юрий Александрович Завадский, пожелавший посмотреть две постановки своего ученика, режиссера Тенгиза Кандинашвили – по «Стакану воды» Скриба (я сыграла роль леди Анны) и пьесе современного автора. Мастер остался доволен увиденным... На память об этом событии остался снимок – Завадский сфотографировался с коллективом театра.

Тамара Васильевна вспоминает многочисленные гастролы. Баку. Театр Грибоедова показал «Закон вечности» Нодара Думбадзе. По окончании спектакля на сцену вышло чуть ли не все руководство Азербайджана во главе с Гейдаром Алиевым. «Вот я вывел к вам все бюро!» – начал он. Алиев долго и хорошо говорил о Нодаре Думбадзе – о значении его творчества, неценным вкладом в литературу. А потом сказал, обращаясь к актерам, что ему понравился спектакль. И, улыбаясь, добавил: «Особенно интересной показалась мне сцена протекционизма в исполнении актрисы!» В этой сцене была занята Тамара Белоусова и, как правило, играла ее под бурные аплодисменты зрительного зала.

Игра Тамары Васильевна всегда находила высокую оценку. Во время гастролей в Риге ее увидел в «Жестоких играх» Георгий Александрович Товстоногов. «Достоверна от начала и до конца!» – сказал он.

Впрочем, актерский труд – это далеко не только аплодисменты, комплименты и цветы. Случаются в этой профессии и вещи далеко не приятные. Однажды на генеральной репетиции спектакля «Собака на сене» Тамара Васильевна сломала ногу... Пришлось наложить гипс. Хотя премьера уже была объявлена, решили замену не искать – подождать выздоровления Белоусовой. Она была незаменима в роли Дианы!

Помимо актерского дарования, в Тамаре Васильевне всегда отмечали особый шарм, изыск (не зря, наверное, она родилась в местечке под названием Французское!).

Поклонники таланта Белоусовой вспоминают сцену из спектакля «Последние»: актриса вместе с партнером, актером Игорем Злобиным, спускается по лестнице. На Тамаре Васильевне – шикарное черное, сильно декольтированное платье, усеянное блестками, со шлейфом (художник – знаменитая Ирина Штенберг). Было ощущение, что героиня Тамары Белоусовой спустилась с небес...

- В одном из спектаклей мы с Наташей Бурмистровой играли сестер. Помню сцену: я стояла с правой стороны кулис, она – с левой. Обе в потрясающих костюмах по эскизам Штенберг. В антрак-

те Ирина заглянула за кулисы и рассказала об эмоциях зрителей: «Зал скандировал: «Наташа! Тамара! Тамара! Наташа!»... Всегда с теплотой вспоминаю Ирину Штенберг – ее искусство вносило существенный вклад в создание спектакля. Как и талант замечательного хореографа Юрия Зарецкого. Он был очень требователен к исполнителям... Помню, как рождалась музыкальная сказка «Золушка» в постановке Лейлы Джаша – я играла мачеху. Юрий Зарецкий предложил очень интересное пластическое решение спектакля, образов. Наверное, моя роль получилась – помню, как актер Алик Кухалеишвили сказал о моей героине: «Самая ребячливая в спектакле!» Я с благодарностью вспоминаю всех, кто был занят в «Золушке».

Я всегда радуюсь успехам моего любимого театра, удачным актерским работам. В нашем театре есть яркие индивидуальности, такие не похожие друг на друга артисты, а это важно для творческого коллектива. Коллектив театра вместе с руководством – Автандилом Варсимашвили и Николаем Свентицким – стремится к тому, чтобы с достоинством и гордостью нести имя Александра Грибоедова.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Я очень люблю мою дорогую Тамару Васильевну. Богиня – так мы называем ее в театре.

Меня в этой женщине восхищает ее королевская стать и в то же время простота и демократичность, ее изумительная красота и яркая характерность на сцене, ее ироничность, безупречный вкус и острый ум. Тамара Васильевна всегда и всем была интересна. Она очень современна и смелит на мир, театр и свою профессию очень здраво и разумно.

Я рада, что судьба подарила мне возможность часто встречаться с этой удивительной женщиной и блестящей актрисой на сцене. Я старалась у нее учиться: носить костюм на сцене, уважать себя, зрителей и свою профессию, быть, как говорится, всегда на уровне.

В связи с юбилеем желаю Тамаре Васильевне того, что ей сейчас более всего нужно – здоровья, здоровья, здоровья...

Людмила АРТЕМОВА-МГЕБРИШВИЛИ

Моя дорогая, любимая Тамара Васильевна! Вы всегда и во всем были и остаетесь для меня олицетворением Актрисы. Помню, как во время репетиций и спектаклей «Ямы» по Куприну ловила себя на мысли, что забываю о своем действии и люблюсь вами. Спасибо вам за теплоту, понимание и поддержку, которые вы проявили ко мне, тогда совсем еще неопытной актрисе, во время моей первой работы в спектакле «Золушка». Ваши порядочность и принципиальность, преданность театру

Сцена из спектакля «Дачники»

всегда были и остаются для меня примером. Спасибо вам за то, что вы есть!

Ирина МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ

Зрители могут судить об актере только со сцены. Однако не менее важно, каким он является за кулисами, какой он коллега. Часто одно противоречит другому, но не в случае с Тамарой Васильевной.

Актеру, пришедшему в театр со студенческой скамьи, порой бывало непросто вжиться в коллектив. Но сразу после моей первой работы произошло чудо: ко мне подошла сама Белоусова! Онемев от неожиданности, я даже не смогла выразить своей благодарности. Ее слова, внушили мне тогда веру в себя.

Однажды мы с Мишей Амбросовым работали над пьесой, слабой, непонятной, невыигрышной, и надо было самим додумывать спектакль. Перед выходом на сцену во время сдачи, стоя в кулисах, я столкнулась с Тамарой Васильевной и призналась, что очень волнуюсь, даже боюсь.

– Что бы ты ни сделала, деточка, это будет талантливо, – заключила она, и все мое волнение утонуло в ее уверенности.

Наидобрый, правдивый человек – величественный, но при этом – свободный и простой – гордость нашего театра...

Недавно я позвонила Тамаре Васильевне, чтобы справиться о ней. Как раз в тот период я была в подавленном состоянии. Наверно, «не у дел» в разное время бывали все.

Этот телефонный разговор развеял все мои грустные мысли. Я была поражена: Тамара Васильевна, как в тот первый раз, с оптимизмом окрыляла меня, а о себе сказала только одно – что по-прежнему живет театром.

Карина КЕНИЯ

НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО ДЗЮДО-2009 В ГОЛЛАНДИИ, В РОТТЕРДАМЕ ОБЪЯВИЛИ: 27 АВГУСТА СКОНЧАЛСЯ ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН ШОТА ЧОЧИШВИЛИ, И ВЕСЬ ЗАЛ ПОДНЯЛСЯ В СКОРБНОЙ МИНУТЕ МОЛЧАНИЯ. ЛЕГЕНДАРНЫЙ ДЗЮДОИСТ БОЛЕЕ ПЯТИ ЛЕТ ВЕЛ БОРЬБУ С ГРОЗНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ – РАКОМ, НЕОДНОКРАТНО ПОДВЕРГАЛСЯ ХИМИОТЕРАПИИ, НО ТАК И НЕ СМОГ ПОБЕДИТЬ БОЛЕЗНЬ.

КАК ПРОРУБИЛИ ОКНО В МИР

Свою олимпийскую победу Шота Чочишвили сенсационной не считал. До Олимпиады-72 в Мюнхене ему не доводилось побеждать на крупных турнирах, он и чемпионом страны не успел стать, будучи введенным в состав сборной. Но из любой схватки, независимо от ее исхода, научился извлекать пользу. А все потому, что еще до знакомства с дзюдо неудачи его не угнетали, а скорее, удивляли. Шло время, а Шота Чочишвили почему-то звезд с неба не хватало. Правда, тренеры обратили внимание на то, что в полутяжелой весовой категории ему лучше всего удается выступать против иностранцев. И это его свойство быть неудобным соперником для зарубежных мастеров, видимо, сыграло решающую роль

при включении новобранца в олимпийскую сборную, дало преимущество в соперничестве с другими претендентами. Его вера в собственные возможности, когда он, 22-летний, нацелил себя на золотую медаль, передалась наставникам, особенно старшему тренеру советской сборной Владлену Андрееву.

За считанные недели до Олимпиады, после тренировки, сидит Шота с борцами, отдыхает. Подходит Андреев и говорит: «Ребята, рядом с вами будущий олимпийский чемпион». Другим он такое не говорил. Тренер сборной Бидзина Мазиашвили попробовал повлиять на своего российского друга и коллегу: «Что ты смущаешь парня похвалой? Чего этим добиваешься?» Андреев: «Мы ни разу не выигрывали золото на Олимпиаде. Это эксперимент!»

Эксперимент еще надо было блестяще поставить. На одной из последних тренировок проверялась готовность олимпийцев. В контрольную серию входили шесть приемов, которые следовало выполнить дважды. Андреев считал: если борец успевает провести 12 приемов за 25 секунд, значит, со здоровьем у него полный порядок. Шота выполнил задание за 22 секунды!

Где успел накопить силу юный богатырь с голубыми глазами?

Шота Чочишвили

Шота объяснял: «В нашем селе Гвлеви, что в километрах десяти от Гори, мальчишки неутомимы, целыми днями носятся как угорелые. С горы на гору или на ровном месте бегут, как будто задалась целью победить в олимпийском марафоне. И бороться успевают до полного изнеможения. И я благодаря такой закалке в состоянии без перерыва провести на татами три полных схватки подряд».

Это Шота сказал в ранге олимпийского чемпиона, а пока ему предстояло оправдать аванс тренеров, которые в известной мере рисковали своей репутацией, хотя останься он без медали, никто косога взгляда не бросил бы там, где золото доставалось японцам и голландцам.

Шота на роду было написано стать сокрушителем авторитетов. О чемпионских лаврах он начал мечтать еще и потому, что долгие годы одним из сильнейших мастеров чигаобы был его отец, Самсон Чочишвили, неоднократный чемпион Грузии, хотя в ту пору этот титул официально не присваивался. Но быть сильнейшим в Карельском районе, традиционном центре чигаобы, много значило.

После того как Шота случайно зашел в спортзал Горьковского педагогического института в январе 1969 года, увидел парней в кимоно, сразу уловил большое сходство дзюдо и чигаобы в приемах, познакомился с хозяином

зала – знаменитым тренером Гурамом Папиташвили, его сердце было покорено этой экзотической борьбой.

Это Папиташвили предложил Шота попробовать силы на татами и скоро сказал: «Поедешь в Москву. Там прояви себя не хуже, чем здесь, и все будет в порядке».

Опытный наставник как в воду глядел. Вскоре Чочишвили зачислили в молодежную сборную страны и в том же 1969 году он взял еще один важный барьер – стал студентом Горьковского педагогического института, в чьих стенах закалялось мастерство еще одного выдающегося представителя горьковской школы дзюдо – Анзора Киброцашвили. Очень скоро Шота стал спарринг-партнером старшего друга, слушал, зачарованный, его рассказы о турнирах, поединках сильнейших, великих чемпионов.

Анзору было что вспомнить.

...Исао Инакума, сильный как тигр, оказался в отчаянном положении. В схватке за золото с Киброцашвили. Еще один Анзор, подумал олимпийский чемпион в тяжелом весе. Год назад в Токио ему противостоял абсолютный чемпион Европы Анзор Кикнадзе. Вспомнились строки мудрого Кобаяси: «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх до самых высот».

Сейчас этот совет неуместен. Инспектору токийской полиции следовало спешить. Этот молодой грузин, которого не увидели среди олимпийцев в бронзовом токийском зале Будокан, не прост. На третьей минуте поймал чемпиона на молниеносный прием, оцененный судьями как вадза-ари, и невдомек великому Инакуме, что соперник извлек его из арсенала национальной борьбы. Кисрули зовется он у грузин.

Вадза-ари – большое преимущество в дзюдо, почти очко. Исао идет вперед, пытается ухватиться за отвороты кимоно Анзора, провести переднюю подножку, против которой не нашли противоядия сильнейшие тяжеловесы; ему остается уповать на счастливый случай и традиционное японское терпение.

Эта схватка для Анзора – восьмая за день, и он устал. Пока он ближе к заветной цели – он чемпион мира почти четырнадцать минут. Остается бороться 40 секунд до рождения самой громкой сенсации мирового первенства-65. Киброцашвили вспоминал недобрый словом сомнительный эксперимент организаторов турнира – продлить продолжительность схваток до 15 минут вместо положенных десяти.

И вот развязка: на исходе поединка Инакума все же провел ответный прием, также оцененный как вадза-ари, и ему присуждается победа. Киброцашвили, вице-чемпион мира, увидел в раздевалке друзей, испытавших, как и он, величайший стресс. Парнаоз Чиквиладзе плакал от обиды. Анзор Кикнадзе ругался и смеялся нервным смехом.

Из Рио-де-Жанейро Киброцашвили вернулся заслуженным мастером спорта. На Олимпиаду меня не взяли, сказал мне спустя сорок лет. Хотя силен был, как никогда. В течение полугода доказал свою готовность к Играм на учебно-тренировочных сборах в Москве, Алуште, Подольске и позже – во Владивостоке и Находке, откуда уже виден был Токио. Наполненной силы хватило на целый год, когда он стал вторым в мире.

Весной того олимпийского года было европейское первенство.

Они ступили на испанскую землю в составе одной из первых советских спортивных делегаций. После тридцати лет отчуждения, исторической несправедливости, в упор не замечаемые фоторепортерами в мадридском аэропорту. И газеты еще не привыкли к их трудным фамилиям. Этот город, насчитывающий дюжину школ дзюдо, навещаемых японскими профессорами института Кодокан, еще предстояло покорить. И сделать это во Дворце спорта, крытом велотреке, в присутствии 12 тысяч мадридцев, тонких знатоков борьбы. Киброцашвили вместе

Гурам Папиташвили, Темура Хубулури, Шота Чочишвили, Анзор Киброцашвили

с Боголюбовым, Степановым, Бондаренко, Кикнадзе выступал в командном турнире. В матче СССР – Франция специалисты выделили его схватку с Леберра. Наши к тому времени вели 2:0, и французы очень рассчитывали на своего экс-чемпиона Европы. Киброцашвили провел ложную атаку, а затем пятки Леберра мелькнули в воздухе, и он упал на татами. Иппон – чистая победа в дзюдо. Не было равных горийскому борцу и в личном турнире. Обладателя двух золотых медалей Киброцашвили назвали лучшим техником среди участников. После их победы в финале над голландцами испанские газеты признали, что советская команда на голову выше соперников.

Словно извиняясь за прохладную встречу, гостеприимные испанцы показали свои вихревые танцы. Когда одна из девушек, сбросив легкие сандалеты, подошла к обоим Анзорам, приглашая в круг, зал подхватил их имена. В первый и единственный раз чемпионы Европы исполняли грузинские танцы под аккомпанемент гитары и кастаньет.

Киброцашвили и Кикнадзе – победители первого европейского чемпионата по дзюдо 1962 года, прорубили окно в Европу в этом виде спорта с Японских островов. Тогда в германском Эссене, вспоминал Киброцашвили, на церемонии награждения его поцеловала красивая девушка, для нас это было в диковинку. Но новичками их называли недолго. После встречи Киброцашвили с Мейнаром английская пресса отмечала: никогда раньше их борец не встречал более сильного соперника, агрессивного в партере и стойке. Анзору предстояла схватка с итальянцем Вентурелли после травмы бедра. Врач запретил ему выходить на ковер, но команда боролась за первое место, и Киброцашвили поставил победную точку.

Чемпионских медалей европейского первенства по дзюдо у Киброцашвили семь, из них три – в личном зачете. В 1959-м он, студент физико-математического факультета Горийского педагогического института, впервые пришел в его борцовский зал, ставший кузницей чемпио-

нов чидаоба, самбо и дзюдо. Именно в такой последовательности заслуженный тренер СССР Гурам Папиташвили и его коллеги культивировали эти виды борьбы, готовя воспитанников всемирно известной горийской школы чемпионов дзюдо. Парень из Ахмета, побеждавший в 12-13 лет взрослых в конных скачках, в том же году стал чемпионом Грузии в национальной борьбе, в команде горийского института выиграл всесоюзные вузовские соревнования самбистов. Стал сильнейшим самбистом страны. Поздравление Роже Кулона, президента ФИЛА, свидетеля этой победы, было признанием самбо, которое стало школой подготовки наших дзюдоистов.

Анзор смолodu прикипел душой к японской борьбе, прославляющей победу ловкости на дороге грубой силы, к ее терминам, звучавшим как переводы из древнеяпонской поэзии, к белому кимоно, чистому как искусство дзюдо, принесшего ему мировое признание.

В 1969-м он во второй раз стал чемпионом СССР по самбо в тяжелом весе, а в декабре в Горийском пединституте провожали его из большого спорта. В актовом зале – спортивная элита: Нина Думбадзе, Вахтанг Балавадзе, Анзор Кикнадзе, Генрих Шульц, Гурам Папиташвили... «Рано уходить Киброцашвили, – сказал Вахтанг Балавадзе. Того же мнения Владлен Андреев, старший тренер сборной, в которой состоял Анзор со дня ее основания.

Беседовал я с Анзором Георгиевичем, заслуженным тренером СССР, судьей международной категории, талантливым командиром производства и успешным бизнесменом, и не отпускала одна мысль: не рано ли поспешили проводить его, тридцатилетнего, из большого спорта? «Сейчас понимаю, – сказал он, – что ошиблись мы с Анзором Кикнадзе, могли еще побороться год-два. Гиви Онашвили, бронзовый призер Мюнхенской олимпиады в тяжелом весе, в острой конкуренции с нами, мог бы значительно прибавить и в Мюнхене стать олимпийским чемпионом».

Налицо преемственность побед чемпионской когор-

ты: Анзор Кикнадзе, Анзор Киброцашвили, Парнаоз Чиквиладзе, Гиви Онашвили, Шота Чочишвили...

В стремительном рывке паренька из села Гвлеви в олимпийники есть железная закономерность, подмеченная Андреевым: «На Чочишвили благоприятно повлияло, что вырос он в горах, – стал крепким, как кремль, юношей, с детства увлекался грузинской борьбой, наверно, сказало и то, что в Грузии было много выдающихся борцов, было с кого брать пример. Он первый олимпийский чемпион среди советских дзюдоистов. Этим все сказано».

Хронология событий того первого сентябрьского дня в мюнхенском «Баскетболхолле» запомнилась Шота на всю жизнь. Соревнования проводились в один день – с половины третьего до одиннадцати вечера. В первом круге после отказа соперника Чжо Ду Йонга из КНДР ему присудили победу. «Следующий, – вспоминал Чочишвили, – двукратный чемпион мира Фумио Сасахара. Что называется без разминки – сразу в пасть ко льву. Но запас нервной энергии у меня был большой. Я смело бросился в бой и провел подсечку».

Японец оказался не только сильным, но и весьма хитрым. Он сумел провести бросок и получил преимущество. Бежали минуты, а Шота, как ни старался, не мог провести больше одного приема. И вдруг почувствовал, что настал момент для броска через плечо. Откуда-то с трибуны донеслась подсказка тренера Гурама Папиташвили: «Кисрули». И этот прием из благословенной чидаобы помог бросить чемпиона мира на татами. Чистая победа за 5 минут 10 секунд. «Иппон!» – объявил изумленный арбитр в абсолютной тишине, наступившей в зале.

Поражение от Дэвида Старбрука, когда двое судей из трех посчитали англичанина чуть активней, заставило его искать счастье в «утешительной» группе, где он разметал на татами трех соперников – Пьера Альбертини (Франция), Джеймса Вуглея (США), Пауля Берта (ФРГ), разделавшись с ними за пять с лишним минут.

И вот финал – повторная встреча с грозным Старбруком. На этот раз Чочишвили действовал не только смело, но и мудро. Все трое судей присудили ему победу, значение которой четко сформулировал 74-летний Шохей Хамано, старший тренер японской сборной на то время единственный в мире обладатель девятого дана, – «в дзюдо начинается новая эра!»

Родоначальники дзюдо вынуждены были уступить соперникам три чемпионские медали из четырех разыгрываемых, а Хамано, пятнадцать лет стоявший у штурвала всех японских сборных, подал в отставку.

Через четыре года, на Олимпиаде в Монреале Шота Чочишвили увидели в абсолютной категории. В первом круге с оценкой вадза-ари он победил Радомира Ковачевича из Югославии, во втором – Владимира Новака (Чехословакия). В третьем круге решением судей победа с незначительным перевесом была отдана японцу Харуки Уэмура, который и стал олимпийским чемпионом. В схватке за третье место Чочишвили победил по очкам (кока) француза Жан-Люка Роже.

К золоту Мюнхена Шота добавил серебро европейских и всесоюзных чемпионатов, бронзу VI Спартакиады народов СССР-75, победы на международных турнирах в Тбилиси (73, 75, 76), Японии, Бельгии (73); он – победитель открытого первенства Голландии, Чехословакии (74), абсолютный чемпион Грузии по грузинской борьбе (72, 77)...

Этот более чем внушительный список кое-кому пока-

зался малым, как будто быть вторым или третьим среди самых сильных людей планеты не есть знак высшей спортивной доблести.

Над всеми подвигами Шота Чочишвили возвышается победа на Японских островах, на Олимпиаде, как священная для каждого японца гора Фудзияма, несокрушимая, видная издали и отовсюду. Достигнутая в нужное время и нужном месте, в «звездный» час и день, на пределе человеческих возможностей, что удается только самым сильным духом.

Уже рано попрощавшись с большим спортом (замучили травмы!), выдающийся борец через восемь лет, в 1989 году победил в Токио президента популярной в Японии и США труппы «Нью-джапан про-реслинг» профессиональных борцов Антонио Иноки, в чьем послужном списке был и «миллионный» бой с Мохаммедом Али.

Когда Шота провел против кумира японцев отличный болевой прием, хозяева 54-тысячного «Дома Токио» сначала застонали от горя, а потом десять минут не отпускали победителя с ринга, скандируя: «Чо-ча! Чо-ча!»

Тогда в Японию выехали тяжеловесы Виктор Зангиев, Владимир Беркович, чемпион Европы по вольной борьбе Ваха Евлоев, олимпийский чемпион Шота Чочишвили, Салман Хасимиков, 4-кратный чемпион мира по вольной

Анзор Киброцашвили, Анзор Кикнадзе, Парнаоз Чиквиладзе

борьбе. Их встречали восторженный прием и обожание зрителей, выступали они в красных или голубых трико, без устрашающих масок и раскрасок, но бороться приходилось в полную мощь – в команде Иноки было больше пятидесяти кэтчистов из США, Канады, Мексики, Голландии, Японии. При посещении тренировок сумистов, которые сами «короли», наших встречали аплодисментами и поклонами – благодарностью за филигранную технику, остроумные комбинации.

Так, на родине родоначальников дзюдо пришел к Чочишвили успех на профессиональном ринге.

Шота Чочишвили после завершения спортивной карьеры был избран вице-президентом Национального Олимпийского Комитета и Федерации дзюдо Грузии, в историю которых навечно вписано его имя.

Вспоминаются слова чемпионов Монреальской олимпиады киевлянина Сергея Новикова (тяжелый вес) и Владимира Невзорова из Майкопа (полусредний вес):

– Шота, все началось с тебя!

Арсен ЕРЕМЯН

МАСКА, Я ВАС ЗНАЮ

Нынешний год – юбилейный для Александра Анатольевича Ширвиндта, народного артиста России, художественного руководителя Московского академического театра сатиры. Праздничные торжества отшумели, а значит, есть надежда, что наше слово о Ширвиндте не затеряется в многоголосьи – замечательном, теплом, дружеском, но очень уж шумном, ведь голоса поздравлявших звучали со всех концов света...

Как обманчива внешность! Хладнокровие и несокрушимая сдержанность – это, конечно, про Ширвиндта. Но, в то же время, и совершенно не про него. Вы убедитесь в этом сами.

Да, он получил в театре прозвище, единственно для него возможное, которое сразу приходит на ум при первом же взгляде на артиста – «Железная маска» или просто «Маска». Слава о его холодной невозмутимости бежала и бежит впереди него. Доходило до того, что друзья (а компания была блестящая – Миронов, Горин, Захаров!) прибегали к радикальным средствам, чтобы пробить стену этой невозмутимости, тем более, что дружба, по словам самого артиста, «строилась не на том, чтобы собраться и выпить, а что-нибудь еще и придумать». Как-то после замечательных посиделок друзья провожали Ширвиндта на съемки в Харьков. На вокзале, взявшись за руки, напевали самое любимое – мелодию из фильма Феллини «8 1/2». Когда артист прибыл на место и вышел на перрон харьковского вокзала, то в изумлении услышал ту же мелодию и те же голоса – приятели прилетели самолетом, чтобы встретить друга. И хотя, как признавался сам Ширвиндт, в тот момент все-таки мелькнула мысль о начавшихся «глюках», но, тем не менее, он не спеша повернулся к встречавшим и медленно произнес: «Да, неплохо...» «Маска» осталась

«маской».

Друзья – все те же Миронов, Захаров и Горин – предприняли следующую попытку розыгрыша. На день рождения Ширвиндта в качестве подарка они втащили на третий этаж в квартиру к имениннику здоровенную чугунную отопительную батарею со словами: «Пусть тепло этой батареи олицетворяет тепло наших сердец», но тут же поняли и сами – неинтересно. После праздника хозяин попросил унести «подарок»: «Ребята, не смешно». Гости поволокли батарею вниз. Стояли во дворе, было немного неловко за неудачу. Спасительная идея пришла к Марку Захарову – с трудом, но батарея была опять поднята на третий этаж. Ширвиндт открыл дверь, вновь увидел пресловутую батарею и своих взмысленных друзей, и невозмутимо сказал: «Вот теперь другое дело».

А вот автору этих строк несравненно повезло – мне удалось расшевелить Ширвиндта! Хотя, по совести, косвенно благодарить за это надо светлой памяти Валентине Ивановне Семиной – народной артистке Грузии, замечательную актрису с незабываемой, яркой манерой исполнения, посветившую всю свою творческую жизнь Тбилисскому театру имени Грибоедова. Почти десять лет назад грибоедовцы праздновали юбилей Валентины Семиной. Семина и Ширвиндт вместе учились в Театральном училище им. Щукина и были очень дружны в годы учебы. Хотелось устроить юбилейный сюрприз, и я решила позвонить Александру Анатольевичу с просьбой поздравить сокурсницу. Ширвиндт сразу же вспомнил подругу, но был спокоен и вежлив и, вместо ожидаемых поздравлений или согласия дать телеграмму к юбилею... попросил перезвонить через час. Предлагаю уважаемым читателям попробовать догадаться, зачем был нужен Ширвиндту этот час. А вот зачем: как выяснилось позже, ради любимой подруги юности народный артист и худрук театра полез на какие-то антресоли, нашел папки со студенческими заметками и среди них обнаружил-таки (и ведь сохранил!) те записки, которыми он с Семиной обменивался во время лекций. А записки были замечательные – с юмором, в стихах, по-юношески легкомысленные, незамысловатые и очень веселые. Да еще и с особыми обращениями – оказалось, все годы совместной учебы Семина называла Ширвиндта «подруга», а он ее, соответственно, «друг». Александр Анатольевич не спеша надиктовал мне по телефону все эти забавные тексты, и ко дню рождения актрисы в газете «Вечерний Тбилиси» была опубликована заметка «Другу» Семиной от «подруги» Ширвиндта, которая и стала самым неожиданным и радостным подарком для актрисы...

Александр Ширвиндт, конечно, хорошо знает себе цену. Но подлинное достоинство человека и его уважение к себе подразумевает не сдержанность эмоций, а отсутствие скверных эмоций – неблагодарности, зависти, тщеславия. Именно в этом смысле Ширвиндт – очень сдержанный человек. К примеру, одним из его учеников был Андрей Миронов. Внимательный зритель, посмотрев филигранную работу Ширвиндта в фильме «Еще раз про любовь» (1968) без труда разглядит ту пластику, те интонации, тот темперамент, которыми Андрей Миронов поразит всю страну в «Бриллиантовой руке» (1969). Но подчеркивать свое участие в успехе другого Ширвиндт категорически отказывается, чего бы это ни касалось – преподавания или дружеской помощи...

Быть известным человеком – дело для Ширвиндта крайне легкое. Потому что в этом словосочетании он не обращает внимание на слово «известный». Вот и остается – «быть человеком». Следуя только такому пониманию, одаренные люди и становятся не просто известными и прославленными. Они входят в легенду.

Нина ШАДУРИ

«МОСКОВИЯ» - ПОДАРЕННОЕ ЛЕТО

Восьмой раз на московской земле с 6 по 28 июля поднялись флаги государств, участников Международной летней школы русского языка, проводимой по инициативе мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова. Традиционно она проводилась на базе детского санаторно-оздоровительного лагеря «Московия», расположенного в красивейшем заповеднике Солнечногорского района Московской области.

В этом году в работе летней школы приняли участие дети и учителя из 120 городов 38 стран. В лагерь прибыли более 340 старшеклассников из государств СНГ и Балтии, а также Болгарии, Бразилии, Венгрии, Италии, Словении, Германии, Финляндии, Румынии, Монголии, Словакии, Сербии, Франции, Польши, Чехии, Китая, США, КНДР, Египта, Сирии, Турции, Южной Кореи, Индии, Швеции. Изучать русский язык в России Москва пригласила и старшеклассников из Грузии. Делегации из разных стран возглавляли педагоги-русисты, специалисты преподавания русского языка как иностранного. Занятия проводили учителя высшей и первой квалификационной категорий, лауреаты грантов Москвы и премии Президента России. Причем программа Международной летней школы предусматривала не только обучение школьников, но и повышение квалификации педагогов, возглавлявших деле-

Гела Гоциридзе, Ия Томаш, Марина Джапаридзе, Алеко Джавахишвили

гации. Лекции учителям читали авторы учебников, специалисты ведущих вузов Москвы, приглашенные Московским институтом открытого образования для проведения специального курса «Методика преподавания русского языка детям-инофонам и детям-билингвам в школе». На торжественном закрытии Международной летней школы каждый старшеклассник получил сертификат о прохождении курса русского языка в объеме 96 часов и в подарок учебно-дидактическую литературу по русскому языку. А педагогам были вручены удостоверения о повышении квалификации на базе Московского института открытого образования. Вот, казалось бы, и все. Сухая, сжатая информация о стремительно пролетевших днях в «Московии», где каждый день был наполнен яркими событиями, забываемыми впечатлениями, радостными общениями со сверстниками из разных стран и континентов. И коротко об этом, не упустив чего-то важного, значительного, мне казалось, просто невозможно рассказать. Уже по приез-

де в Грузию я попросила ребят буквально в двух строчках написать о главном впечатлении, оставшемся от поездки. С заданием, к моему удивлению, справились мгновенно. Мне вернули листок, где было написано только одно слово – «Московия». А дальше – ровно две строчки, но плотно уставленные крупными восклицательными знаками. Действительно, лучше не скажешь! Потому что каждый восклицательный знак – это отдельная история об удивительном лете, подаренном нашим ребятам лагерем «Московия».

Их было всего четверо. Маленькая делегация приглашенных московским Департаментом образования шестнадцатилетних школьников из Грузии: Алеко Джавахишвили, Гела Гоциридзе, Марина Джапаридзе и Ия Томаш. Каждый заслужил право попасть в эту четверку: Ия покорила жюри своим вокалом на республиканском фестивале юных талантов, Марина – обладатель дипломов трех международных конкурсов детского изобразительного творчества, Гела – неоднократный дипломант республиканских предметных олимпиад, Алеко награжден дипломами за исполнение национальных грузинских танцев. Но всех их объединяло желание по-настоящему овладеть русским языком, как можно больше узнать о культуре, обычаях народа, связанного с Грузией давними историческими корнями. Кто сказал, что мечты не сбываются! А как пригодились ребятам их разносторонние способности уже с первого дня жизни в международном юношеском лагере! Ведь «Московия» - это не только Международная школа русского языка, это еще и школа раскрытия талантов каждого, кому посчастливилось попасть сюда. Все дни были насыщены конкурсами, фестивалями, олимпиадами, спортивными состязаниями, играми, концертами. Сами снимали видеоклипы, сами сочиняли сценарии сказочных спектаклей и тексты веселых «капустников» на лагерные темы, подбирали в костюмерной и мастерской костюмы к спектаклям, придумывали декорации, клеили, красили. Учились у взрослых, обучали друг друга... И все это весело, увлеченно, с азартом. Оставалось только гадать – как они успевают все и всюду. Звонили родители и потрясенно переспрашивали: «Как, он в восемь утра плавал в бассейне?! Да его во время каникул раньше одиннадцати никто никогда поднять не мог!» «Что? Она в семь утра выбегает на зарядку? Быть не может!» Но больше всего удивляло не только родителей, но и самих детей, как стремительно день ото дня, час от часу их речь наполнялась русской лексикой. Без нажима, зубрежки, без особых усилий. Лучшие преподаватели русского языка в этой удивительной школе - это дружба, общие интересы и увлечения, желание узнать как можно больше о своих новых друзьях. «Мы разные – в этом наше богатство, мы вместе – в этом наша сила!» Таков интернациональный принцип, по которому строилась вся жизнь молодежного лагеря. Пожалуй, никогда еще раньше мне не приходилось видеть подобных примеров такого зримого наполнения детской души живой силой дружеского притяжения, когда нетерпеливо и жадно ищется слово, понятное, объединяющее – и это слово дарит русская речь. Если в первые дни «Московия» напоминала вавилонское столпотворение, где са-

мым понятным языком был язык жестов, подкрепляемый какой-то невероятной смесью из английских, немецких, французских, испанских и русских слов, то уже через неделю многоязычное население этой страны исполняло на русском языке свой гимн: «Московия, Московия! Отметь на карте – это наша страна. Московия, Московия! Навек друзья и ты, и я!». Наверно, это единственный гимн на земле, в котором наряду с музыкой, текстом органично присутствует жест. Этот гимн можно петь, слышать и видеть! «Навек друзья и ты, и я»...

Вспоминается утро в тбилисском аэропорту накануне вылета. Притихшие, настороженные. Все впервые. Первый раз в жизни полет на самолете, впервые за пределы Грузии, в Россию. Впереди неизвестность – как встретят, не будем ли там чужими, нежеланными? Все мои уверения в том, что Москва их ждет с любовью и готова встретить как самых дорогих друзей, повисают в вежливом молчаливом недоверии. А потом осторожный вопрос: «А может быть, там, в «Московии», не говорить, что мы из Грузии? Вдруг с нами не захотят дружить?». Понимаю, что все мои слова пока бессильны – сказываются болезненные рубцы, оставленные в сознании каждого прошлыми трагическими событиями. Просто советую: «Приедете, увидите, почувствуете и сами решите - молчать или гордиться тем, что вы представители доброго, красивого и талантливого народа, древней страны по имени Грузия...» И куда делась скованная настороженность, когда в Домодедово с радостными возгласами «Ура! Грузия!» к нам кинулись встречающие! Обнимали, тормошили, целовали, заботливо спрашивали, не голодны ли, старались прикрыть детей куртками, чтобы не озябли – ведь мы прилетели из тридцатиградусной тбилисской жары в Москву, где термометры застыли на цифре 10 и уже неделю шел дождь. Наконец, мы в автобусе, предупредительно поданном к самому выходу из аэропорта, – чтобы не успели промокнуть или замерзнуть. При московских пробках нам еще часа два пути до лагеря, но при первом же встреченном на пути Макдональдсе автобус резко тормозит, и через несколько минут каждый из нас получает по огромному пакету, наполненному сладостями, бутербродами, горячими гамбургерами. Салон наполняется ароматом горячего кофе. Путешествие продолжается.

Я, может быть, слишком много места отвожу описанию наших первых минут на московской земле, но, как признались сами дети, несколько первых восклицательных знаков в их лаконичном, но красноречивом сочинении о «Московии» нужно читать как радостную благодарность за встречу, которая помогла им избавиться от внутреннего напряжения. Все страхи и сомнения остались позади. В лагерь мы въезжали с уверенностью, что нас любят, нас ждут друзья.

Все остальные восклицательные знаки, плотно заполнившие две строчки сочинения, - это лагерь, уже на второй день воспринимаемый как «самое прекрасное место на земле», это молодежная страна, где так умно, красиво и комфортно все устроено. Это новые друзья со всех концов земли, с которыми, как оказалось, так много общего, несмотря на цвет кожи, язык, вероисповедание и социальный статус. В лагере были дети членов правительств, из семей потомственных аристократов и даже миллионеров и подростки из детского дома. Чей ты сын или дочь, здесь никакого значения не имеет. Главное – кто ты сам. Есть ли в тебе такие качества, как дружелюбие, доброта, умение поделиться радостью и поддержать в печали, желание и умение вовремя оказать там, где нужна твоя помощь.

А еще восклицательные знаки – это в едином порыве поднявшиеся на ноги зрители, аплодирующие в такт зажигательному грузинскому танцу, поставленному Алеко Джавахишвили буквально за три дня и блестяще исполненному нашими ребятами на Фестивале национальных

Посланцы 38 стран в «Московии»

культур. Это не смолкающее несколько минут «Браво, Ия! Браво, Грузия!», когда Ия Томаш захватила весь зал своим исполнением на грузинском языке песни «Тендеба» («Светает»). Это и гордость за своих талантливых ровесников из Рустави и Батуми, чьи картины мы привезли в лагерь и устроили выставку, которую и взрослые, и дети встретили аплодисментами. Это и диплом, который завоевал для своего отряда Гела Гоциридзе, победив в конкурсе концертных номеров. Это и минута славы Марины Джапаридзе, получившей диплом и почетное звание «Душа отряда». И конечно же, множество восклицательных знаков – горячая признательность руководству Союза грузин в России и руководителям Департамента образования города Москвы. Это их деятельная поддержка дала возможность детям из Грузии приехать в Россию, чтобы не только изучать русский язык, но и увидеть Москву, побывать на Красной площади и в Кремле, Третьяковской галерее, в Царицыно и Коломенском, померить настоящий скафандр и испытать чувство невесомости в Музее космонавтики, познакомиться с космонавтом, Героем России Олегом Каноненко, который несколько дней жил в лагере и с удовольствием общался с ребятами. А еще незабываемая поездка в Клин, в дом-музей Чайковского и уникальный концерт произведений Петра Ильича из архивных записей в исполнении лучших пианистов мира. Мы сидим на стульях, расставленных вокруг рояля в одной из комнат великого композитора. Крышка рояля приподнята, но клавиатура закрыта. По уже давно сложившейся традиции ее открывают лишь один раз в год, в день рождения композитора, чтобы предоставить лучшему пианисту года почетное право сыграть на инструменте Петра Ильича. Быть в доме П.И.Чайковского и не услышать его музыки! Нам обещали концерт. Напряженно ждем. Кажется, сейчас войдет музыкант и зазвучит знакомая с детства мелодия из «Щелкунчика». Но стул перед роялем пуст. Исполнителя, объявленного в

программе, давно уже нет в этом мире. Но мы ждем, и согласны на чудо. И вдруг старый «Беккер» начинает звучать. Тихо. Осторожно. Как будто вспоминая прикосновение чьих-то пальцев. Конечно же, это всего лишь фонограмма, архивная запись. Но магия музыки будит воображение, и ты уже готов видеть в старом инструменте почти одушевленного обитателя этого дома, намного пережившего своего гениального хозяина, его друзей и учеников для того, чтобы сохранить их голоса и музыку. В этот день старик-рояль пел для мальчиков и девочек, приехавших в Россию, на родину композитора, которого знают, любят и считают своим в Праге и Сеуле, Пекине и Бомбее, Стокгольме и Тбилиси, Париже и Риме...

Мы, школьники из Грузии, приехали в Россию изучать русский язык. Всего на три недели. Казалось бы, так мало, чтобы по-настоящему овладеть чужим языком. Но этого вполне достаточно, чтобы почувствовать, что этот язык тебе не чужой, потому что он учит любить друзей и свою родину, учит ценить и любить всю нашу прекрасную и в общем-то не такую уж большую планету, на которой живут такие разные и такие похожие люди. У нас непохожие обычаи и разные культуры – и в этом наша ценность. Но мы так похожи в своем желании добра, радости, красоты и мира, желании узнавать, ценить и любить друг друга, говорить на языке дружбы. Именно этот язык дружбы, русский язык, приезжает учить молодежь всего мира в Россию, в «Московию».

Виктория ПОПОВА

На экскурсии в Клину

напомним, что в этом году в Москве пройдет Международный конкурс юных пианистов имени Петра Ильича Чайковского. Это будет замечательная возможность для наших ребят познакомиться с лучшими пианистами мира и сыграть на инструменте великого композитора. Мы ждем, когда это случится.

Последний год выдался очень трудным и драматичным для нашей страны. После августовских событий появилось множество организаций, помогающих всем пострадавшим в самых различных направлениях. Но, пожалуй, самые главные, кому необходима помощь – это дети из зоны конфликта. И им, мягко говоря, уделяется мало внимания. Именно для них была создана в октябре прошлого года неправительственная организация «Осторожно, дети!». Хотя изначально она была рассчитана на гораздо большие проекты для всех детей – эмигрантов, и требующих психологической помощи, трудных и обычных. Ведь главная цель, которую ставят перед собой в НПО – помощь в становлении личности.

Вдохновитель всего этого – Рита Долидзе, большой энтузиаст. Отдав 30 лет служению журналистике (25 из них – в Грузинформе), она успела побывать собственным корреспондентом в Цхинвальской зоне во время первого конфликта, а затем, с 2001 по 2006 годы – собкором своего агентства в Америке, Мексике и Канаде. Член Международной федерации журналистов, Рита, вернувшись на родину, лелеяла мечту о создании психологического реабилитационного центра. Но после августа прошлого года об этом пришлось забыть.

В ПОИСКАХ СВОЕЙ АМЕРИКИ

Первый и самый большой проект НПО «Осторожно, дети!» представляет собой психологическую помощь детям, чьи отцы, военнослужащие грузинской армии, погибли в ходе военных действий. Проект состоит из трех этапов. Но перед тем, как рассказать о них подробнее, Рита объяснила, почему она решила помочь именно детям. Выяснилось, что не только потому, что детство – самый ответственный период в становлении личности.

«В 1993 году мой супруг, военный, погиб в Абхазии. На руках у меня остался двухмесячный сын. Я знаю, что значит перенести тяготы войны, поднимать ребенка одной. Если бы не помощь моих друзей, я не знаю, что с нами было бы. На протяжении этих 16 лет не было никакой помощи от государства. Никогда, никак, ничем. Один раз нам выдали какую-то упаковку с яблочным пюре. И пенсия в 45 лари, которую исправно платят в последнее время.

Когда случились августовские события, я поняла, что необходимо сделать что-то для тех, кто потерял мужа на войне, оставшись с маленькими детьми на руках. Поэтому решение о создании детской организации стало необходимостью», – рассказывает Рита Долидзе.

Подростковая возрастная категория была выбрана неслучайно. За годы работы в Америке Рита нередко наблюдала за тинейджерами, которые бурлят и бунтуют сложнее, чем у нас. Но когда этот возраст проходит, они становятся нормальными людьми – сформировавшимися, уравновешенными. «А у нас начался возраст тинейджерства, и он не заканчивается. Поэтому, когда мы разрабатывали первый и самый большой наш проект, то ориентировались именно на ребят от 14 до 17 лет. Тем более, что научно доказано – в период тинейджерства им хочется делиться не с родителями, а с посторонними подчас людьми.

После обращения в Министерство обороны за списком детей этого возраста, набралось всего семь человек, хотя ожидали, что их будет значительно больше и понадобится отбор. Ведь погибло 170 военнослужащих.

Вот имена подопечных проекта «Осторожно, дети!»: Тазо Биртвелишвили, Лаша Тигишвили, Шмаги и Георгий Торошелидзе, Гванца Мичиташвили, Валерий Элибарашвили и Ираклий Шарашенидзе.

Нашли спонсора, взявшегося обеспечить выезд детей в Америку, а там уже Рите взялись помочь ее многочисленные американские друзья.

Первый этап проекта назывался «Юные Колумбы» и предусматривал комплексный подход к проблемам детей, пострадавших в ходе вооруженного конфликта, с целью создания условий для их нормального развития. Он подразумевал как направленность на психологическую реабилитацию, так и общеобразовательный курс. Ведь конечной целью проекта была и остается поездка детей в США на две недели. Для чего они должны иметь об этой стране хотя бы мало-мальское представление. Понятно, что уровень детей из горьких сел, из зоны конфликта, оставлял желать лучшего. «О психологическом аспекте я не говорю. С этим все было совсем сложно. Некоторые мамы говорили, что после смерти отца ребенок замкнулся в себе и кроме «да-нет, хочу-не хочу» ничего не говорил. Другой хорошо учился, и перестал. И так далее. Мы начали с ними заниматься. На первых порах думали, что не справимся. Но в результате трех месяцев интенсивных занятий мы достигли многого. В образовательном плане, и что важнее – в психологическом. Например, мы взяли две карты Северной Америки – на первой пунктиром обозначили штаты, а вторую – разрезали. На презентации нашего проекта в «Доме свободной мысли» 27 августа ребята встречали гостей с вырезанными штатами в руках и просили гостей прикрепить их к большой карте. Если гость не знал, где расположен тот или иной штат, они ему помогали».

Очень помогли ребятам занятия с педагогами по разным предметам, работавшими совершенно безвозмездно. Все, что можно было узнать об Америке, детям рассказали Рита и ее подруга Нана Перадзе, много лет прожившая в Штатах. Это были рассказы очевидцев, пропущенные через себя, свое мироощущение. Пением и музыкой с ними занималась Мака Дваладзе. После первого занятия она сказала: «Поразительно, но в Грузии я никогда не встречала семерых человек, у которых не было бы слуха и было огромное нежелание петь».

Сегодня они поют сердцем. Один из мальчиков, который не хотел петь, сейчас поет так, что ему пророчат большое музыкальное будущее. При том, что его мама – преподаватель музыки. И она говорит, что 16 лет не могла заставить его произнести хоть один звук. Огромная благодарность учителю рисования Рези Чеишвили, фотоискусства – Верико Долидзе, английского – Малхазу Асанишвили, компьютерных программ – Валерию Картвелишвили, психологу Тамуне Талаквадзе.

Став Колумбами, ребята подошли ко второму этапу проекта. Подошла годовщина августовских событий. Совместно с Союзом журналистов «Дом грузино-укра-

инской прессы и книги» была издана газета «Счастливое детство – за мир» с рисунками детей, читая которую, задыхаешься от слез. Вот некоторые из них:

«Если бы я могла повернуть время вспять, я бы проводила больше времени со своим отцом. Больше бы с ним общалась, не отошла бы от него. Сделала бы так, чтобы не было войны. Чтобы не погибли дети и молодые парни». Гванца Мичиташвили, Гори.

«Я очень скучаю по своей деревне Авневи. Хочу туда вернуться. Я даже стих написала об этом. Он называется «Осуществившаяся мечта». Нани Давитидзе, Авневи.

«Скучаю по своей деревне Хеити, по Большому Лиахвскому ущелью. Скоро уже год, как мы уехали отсюда и я не видела родных мест. Хочу обнять, приласкать родную траву, деревья, камни, реку Лиахви, куда мы бегали купаться. Вот бы одним глазком взглянуть на наш маленький рай. Дай Бог, чтобы все было хорошо и мы поскорее вернулись к нашим очагам. Тогда искра жизни загорится вновь, и мы будем жить добрососедски – осетины и грузины». Элисо Гочашвили, Хеити.

«Уверена, им больнее всего было пережить войну, потому что у них погибли родители, – говорит Рита. – И в то же время, мы пытались объяснить им, что мы не за возмездие – мы за мир. 14 августа возле Мемориала на братском кладбище в Мухатгверди мы провели акцию «Дети за мир», в рамках которой прошла презентация нашей газеты. Ведь это не просто дети. Это дети воинов, погибших за Грузию. По сути, на этом мемориале выгравированы их фамилии, и они должны достойно их нести. Мы первыми пустили в небо голубей, к которым были привязаны послания мира на абхазском, осетинском, русском и грузинском языках».

Но когда подошел третий, заключительный этап, и нужно было выкупать билеты в авиакомпании для поездки в Америку, НПО отказали в финансировании. Друзья Риты сказали: «Если сможешь найти основную сумму, то остальное мы для тебя соберем». «Они понимают, что я ответственна за этих детей и забочусь об их психологической реабилитации. Наше обращение лежит в администрации президента, и у его супруги. Я не думаю, что нам откажут. В посольстве США также лежит наше обращение, – говорит Рита. И тут же добавляет: «Но мы не унываем и движемся дальше. Правда, хотели попасть в США до начала учебного года. А теперь мечтаем оказаться там 12 октября, когда очень широко отмечается День Колумба. Очень хотим, чтобы наши дети в этот день открыли свою Америку».

Для ребят придумана разнообразная программа. Например, они проведут два дня в американской школе. Утром поедут на традиционном желтом автобусе, побывают на занятиях и т.д. «Я хочу, чтобы эти дети знали, что кроме черного кофе есть белое молоко. Они сейчас на перепутье, а мы хотим показать им, что есть другая жизнь – спокойная, без конфликтов и бомб. Конечно, самого дорогого – отцов – им уже никто не вернет, но мы стараемся вернуть им веру в жизнь, и в то, что нужно быть достойными детьми достойных родителей.

А пока вопрос поездки в США стоит на повестке дня, «колумбы» не теряют времени даром. Вооружившись девизом – «То, что посажено сегодня, дает плоды завтра», 21 сентября они собираются посадить 170 деревьев, Аллею памяти у Мемориала на братском кладбище Мухатгверди. Ведь 21 сентября объявлено ООН Международным днем мира.

Результат проекта налицо. Родители утверждают, что ребята стали открытыми, начали делиться своими проблемами. У них появилось желание жить дальше. Сплочение между ребятами произошло очень быстро.

Они что-то нашли друг в друге, что и не удивительно. Их объединяет одна общая боль, непонятная остальным. В ходе этих занятий они поняли, что не нужно ожесточаться, а наоборот, нужно делать все для дела мира, чтобы то, что случилось с ними, не повторилось с другими детьми. Со временем их души отогрелись, и эти золотые крупицы, которые мы собираем сегодня, нужно очень ценить. Они поделились друг с другом своей болью, и им стало легче.

Когда ребята узнали, что поездка в США временно откладывается, один из мальчиков предложил: «А если у нас не получится поехать в Америку, давайте

Участники проекта НПО «Осторожно, дети!»

все вместе поедем хотя бы на экскурсию».

«Я очень верю в добро и его круговорот в природе», – признается Рита. И поэтому, она уверена, что когда-нибудь осуществится ее заветная мечта – собрать детей из Грузии и России на нейтральной территории.

«Ведь как написал один из подопечных, «мы всего лишь хотим мира».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

В НЕМ ВСЕ ПРОСТО И СЛОЖНО, ЯСНО И ЗАГАДОЧНО.

«ДЯДЯ, ДОСТАТЬ ВОРОБЫШКА» РОСТОМ ЗА ДВА МЕТРА С МОЛНИЕНОСНОЙ РЕАКЦИЕЙ И «КАУЧУКОВОЙ» ПЛАСТИКОЙ КЛАССНОГО БАСКЕТБОЛИСТА, ВНИМАТЕЛЬНЫЙ И СМЕШЛИВЫЙ СЛУШАТЕЛЬ И НЕСРАВНЕННЫЙ РАССКАЗЧИК С РЕДКИМ ЧУВСТВОМ КОМИЧЕСКОГО, ЧЕЛОВЕК С АБСОЛЮТНЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ВКУСОМ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ МОРЩИТСЯ ОТ ПЛОХОЙ И ДЕШЕВОЙ МУЗЫКИ, ОН ЕЕ ПРОСТО НЕ СЛУШАЕТ – ЭТО ОН, ХУДОЖНИК РАМАЗ РАЗМАДЗЕ. ТВОРЕЦ, КОТОРЫЙ БЫЛ НАСТОЛЬКО ОБОЖЖЕН, ПРОНЗЕН НАСКВОЗЬ АВГУСТОМ ПРОШЛОГО ГОДА, ЧТО ЕМУ СТАЛО НЕПРОСТО ТВОРИТЬ, - ЭТО ТОЖЕ ОН.

ТОЛЬКО САМ ПО СЕБЕ

Рамаз Размадзе. «Иллюзии Пергамского барельефа»

Высшее политехническое образование в свое время только подкрепило рациональный склад его ума и оттенило поэтическое мировосприятие. Из сочетания рации и чувства, идеи и ее образного, совершенно метафорического выражения и рождается сюрреализм – его собственный.

Он уже привык к восторженным отзывам, и, вероятно, его немало позабавит, если зрители, знатоки и незнакомки, вместо того, чтобы разбираться в тех чувствах, которые вызывают картины, попытаются объяснить трудно объяснимое – что хотел сказать художник той или иной своей работой, теми или иными повторяющимися образами (как условными знаками для посвященных). Но это вопрос, настоящего ответа на который, пожалуй, не знает и он сам. У символиста Блока как-то спросили дотошные читатели: «Ну что же это значит – «Опустила руки в зеркала»? И Блок совершенно искренне ответил: «Не знаю».

Конечно, Рамаз Размадзе – абсолютный художник, и прежде всего - по взгляду на мир, по восприятию мира. За его плечами уже немало выставок, о его творчестве писали и пишут, издан замечательный авторский альбом, картины успешно продаются... И можно, наконец, начинать богемный образ жизни, и войти в элитные тусовки коллег, и власть в снисходительный тон выдавшего вида, «стреляного воробья»... Но... Для него ли все это?

И вот он сидит вечерами в своей небольшой мастерской, где места хватает лишь ему, картине, которая в работе, ну и маленькой дочке, только если она сядет к отцу на колени... Он сидит и пишет, и необык-

новенные идеи переполняют его (и сколько идей уже походя было использовано другими!), и не надо ждать вдохновения – его картины уже внутри него, может быть, иногда лишь приходится подманить подходящее настроение – человек впечатлительный и нервный, он отзывается на любое внешнее воздействие, как пламя свечи – даже на легкое дыхание... Как хорошо, что лучше всех это знает и безошибочно чувствует жена, замечательная Вия...

С таким человеком интересно говорить обо всем, но в первую очередь хочется говорить о нем самом, ведь картины наполнены его личностью, а личность отмечена, как клеймом, непохожестью. И сколько ни сравнивай его с другими, и сколько ни находи параллелей и цитат, в результате все равно получается Рамаз Размадзе – один-единственный, самостоятельный и независимый. Сам по себе.

Специальным художественным образованием я не могу похвастать, потому как мое образование было неформальным. Стечение обстоятельств было такое, что первый опыт масляной живописи состоялся лет в десять. Было в советское время такое популярное место отдыха – пансионат в Кечхоби, не доезжая до Бакуриани. Там я увидел человека, который мне, ребенку, показался очень взрослым и к тому же обладал всеми атрибутами художника, как я себе это представлял – он стоял на пленэре с этюдником, палитрой... Заметив мой интерес, предложил мне попробовать. И я на холсте настоящими масляными красками написал свою первую картину, и работа получилась интересная... А к пятнадцати годам я уже

проявлял серьезный интерес к этому делу, и попал в мастерскую к замечательному художнику Махарэ Джанелидзе. Он имел академическое образование, работал в реалистической манере, и теперь, по прошествии многих лет, я хорошо понимаю, что мне тогда очень повезло.

- Почему повезло?

- Потому что теперь стало модно идти по легкому пути, а не по тернистому пути ежедневной работы, шлифования навыков, приобретения новых. Да и само понятие «художник» на сегодняшний день стало очень расплывчатым. А тогда на протяжении пяти лет я обучался – кропотливо трудился... Прошло время, и у меня начался период самостоятельного творчества. И произошло то, что случается крайне редко – когда начинающий художник вдруг начинает получать заказы. У меня был такой период. Не вдаваясь в подробности, скажу, что это была хорошая школа. К тому же

рых я хотела поговорить с тобой. Можно, я сверну в другую сторону?

- Давай, сворачивай.

- Я знаю, как тяжело и больно ты пережил события годичной давности. Как ты думаешь, совместима ли сегодняшняя реальность с понятиями прекрасного, искусства, культуры?

- Нет, несовместима. Я это знаю по себе. У меня никогда не было такого, чтобы душевное состояние не позволяло бы мне писать, и житейские проблемы на меня не действуют, и мне непонятно, что такое муза, и вдохновение у меня есть постоянно, было бы время. Но когда происходят настолько негативные политические процессы, и нарастает тревога вплоть до страха за завтрашний день...

- Но еще Аристотель считал, что страдание – это категория. Разве не страдание во многом подвигает нас на творчество?

- Страдание необходимо, но повод для страдания можно найти всегда, и в спокойное время тоже. И хотя у меня есть работы, написанные в дни августовской войны, все равно, случаются моменты, когда ты совершенно не можешь работать, потому что чувствуешь – сейчас нельзя, сейчас неправильно. И самое страшное в этой ситуации даже не тревога, не страх, а то, что все творческие темы и идеи, которые к тебе приходят, кажутся неактуальными, пустячными, ничего не значащими по сравнению с тем, что происходит или может произойти в реальности. Хотя чем больше ты переживаешь, тем интереснее и глубже становится твоё творчество. У меня даже был такой замысел, который я еще не прочувствовал до конца, и не знаю, стоит ли это делать – мне хотелось написать очень простую, однофигурную композицию, в которой акцент должен быть сделан на эмоциях. Это очень сложно – изображать человека, выражающего эмоции. Хотелось изобразить человека, который боится своего страха.

- С идеями ничего не поделаешь, они все равно продолжают приходить к тебе. Приоткроешь дверь в твою творческую «кухню»?

- Идеи приходят как-то сами по себе. И я глубоко убежден, что их нужно воплощать сразу и именно так, как ты увидел. У меня нет приблизительного, расплывчатого представления о том, что я собираюсь делать. Я вижу работу заранее – целиком и полностью, в мельчайших деталях, и я должен точно также, как увидел, ее материализовать.

- То есть картина уже есть, ее надо только написать?

- Да. Я не люблю идти на компромиссы во время

«Коррида»

оплачиваемая – платили мне. Первая персональная выставка состоялась в 1991 году. Потом, по понятным причинам, и в творчестве, и в выставочной практике был перерыв, и мне пришлось осваивать какие-то другие профессии. А после, естественно, все вернулось, и приобрело серьезные очертания активной творческой работы. Я не могу позволить себе халтурить. К примеру, Спилберг снимет коммерческое кино и заработает денег на серьезную картину. А у меня – все некоммерческое. Никогда не было таких работ, на которых я зарабатывал бы деньги, а от других – получал удовольствие. Ко всем моим работам у меня одинаковый подход – некоммерческий. Но каким-то чудом, по непонятным мне причинам, их покупают...

- Честно говоря, это не совсем из тех тем, о кото-

работы. Чем опытнее становишься, тем меньше компромиссов, и чисто технических тоже. Ведь от них зависит то, насколько идея будет понятна зрителю. Вот как раз сегодня у меня случился спор с одним из коллекционеров, который утверждает, что для того, чтобы быть художником с большой буквы, недостаточно обладать хорошей техникой и талантом чувства цвета, но и надо писать работы, которые будут понятны даже неискушенной публике...То есть смысл работы должен быть на поверхности.

- Значит, по его мнению, зритель не должен задавать вопрос: «А что вы имели в виду»?

- Как он выразился, идеи не должны быть слишком глубоко зарыты. А я так не думаю и вообще совершенно с этим не согласен.

- А насколько для тебя важно восприятие твоих картин зрителем?

- Очень важно. Просто я ставлю определенные вопросы, на которые, естественно, не даю ответа и ориентируюсь на того зрителя, который сможет дать ответ на подобные вопросы.

- Или хотя бы задаст себе такой же вопрос.

- Абсолютно, да.

- Дословный перевод слова сюрреализм означает «над-реальность». У актеров есть выражение «вторая реальность», которая зачастую оказывается более настоящей. Есть ли в твоём миропонимании какое-то совмещение этих двух реальностей?

ти. Вокруг очень много интересного, и я не изобретаю ничего нового, ничего нереального. Нереальное отношение – да. Другое дело, я всегда стараюсь, чтобы в моем отношении присутствовало чувство юмора.

- Дали говорил, что первый, сравнивший щеки молодой девушки с розой, был поэтом, первый, повторивший это, был идиотом. Приемлемы ли в творчестве похожесть, подражание, вольные или невольные цитаты?

- Если не говорить об откровенном плагиате, то цитаты – это не плохо. Есть работы, которые называют after, например, Беклин, - многочисленные версии «Острова мертвых», вариации на тему этой популярной работы. У меня однажды была идея сделать свою версию одной из картин Макса Эрнста, но это желание у меня возникло только из-за того, что композиция картины замечательная, а в техническом плане я мог бы сделать лучше. Мне просто хотелось великолепный замысел воплотить наилучшим образом. Естественно, я не стал тратить время, потому что это не приоритет. Хотя было бы забавно.

- Термин «сюрреализм» придуман поэтом, Гийомом Аполлинером. Наверное, художники тоже во многом поэты...

- Безусловно.

- Мировосприятие и у художников, и у поэтов – поэтическое. Но как ты оцениваешь значимость слова и, значимость, например, цвета? Ведь словом я могу передать цвет. А цветом – слово? Понимаю, что вопрос провокационный.

- Вопрос интересный. Знаешь, мне бывает сложно словами сформулировать мои цели, мое видение – даже в виде аннотаций к моим работам... Была одна работа Джорджо Де Кирико - «Песнь любви», которая вдохновила очень многих художников – Дали, Танги, Магритта - и, в общем-то, послужила толчком к началу движения сюрреалистов. Ведь сюрреализм в период раннего творчества Де Кирико не существовало. В чем был феномен этой картины? Эта была первая попытка изобразить мысль. Это самое сложное вообще. Для меня это стало точкой отсчета. В картине должно быть Слово, оно очень важно. Если моя работа не задает никаких вопросов, то это простое изображение, иллюстрация. А я не хочу делать иллюстрации. Картины должны и воплощать мое

размышление, и побуждать зрителя к размышлению. Работа должна показывать мысли, перспективы, поэтому я никогда не писал и стараюсь не писать никаких предметов, выдающих настоящее время, но люблю показывать, что было до и что может быть после... Есть художники, которые не ставят задач. Они стараются запечатлеть что-то красивое, сделать красивую работу. И хотя понятие красоты очень субъективно и деверсификация вкусов и эстетических предпочтений в живописи огромна, я не из числа подобных художников. Все-таки главный принцип – бескомпромис-

смысленно, кто может, кто не может называться истинным сюрреалистом. Я совершенно не ощущаю себя классическим, точнее, каноническим сюрреалистом, если иметь в виду их знаменитый манифест и так далее. Я не создаю в своих работах каких-то фантастических, несуществующих миров. Меня интересуют более земные вещи. Но поскольку у меня обострено чувство сюрреализма вообще, то я вижу очень много сюрреалистического ежедневно – парадоксальные ситуации, иллюзии, иллюзорные личнос-

«Вечер в старом городе»

«Беседа после обеда»

- В современном сюрреалистическом движении идут жесткие споры, кто может, кто не может называться истинным сюрреалистом. Я совершенно не ощущаю себя классическим, точнее, каноническим сюрреалистом, если иметь в виду их знаменитый манифест и так далее. Я не создаю в своих работах каких-то фантастических, несуществующих миров. Меня интересуют более земные вещи. Но поскольку у меня обострено чувство сюрреализма вообще, то я вижу очень много сюрреалистического ежедневно – парадоксальные ситуации, иллюзии, иллюзорные личнос-

ность. Что бы ни случилось, как бы тяжело ни было...

- Бывает тяжело?

- Вообще быть художником сложно.

- Есть вопрос, который я обойти не могу. Я знаю, что Дали занимал особое место в списке твоих предпочтений. Скажи, какую роль он сыграл для тебя?

- Первое, что приходит на ум, – я бы не хотел вести тот образ жизни, который он вел. И не хотел бы, чтобы мое творчество было таким, как у него. Но он был колоссальный трудяга и вообще поднял планку выше всех. Начиная сюрреалист не может не подпасть под влияние Дали. Но по мере того, как ты начинаешь развивать свой стиль, свою манеру, тебе начинают нравиться менее известные сюрреалисты, а потом начинают очень нравиться совсем не сюрреалисты. Да и что такое сюрреализм? Это же живопись, а значит, есть определенные средства изображения, технические возможности, которыми можно восхищаться и у других художников, ведь сюрреалистов мало.

- Если бы ты составлял коллекцию картин, работы каких художников почел бы за счастье иметь у себя?

- Эдгар Дега, Арнольд Беклин, Рене Магритт, Альма-Тадема, Репин... Я могу продолжать. Наберется, наверное, «Клуб пятидесяти».

- А если, прости за наивность вопроса, у тебя была бы такая возможность, кого бы из них ты пригласил к себе в гости?

- Сальвадора Дали я пригласил бы точно! Я был бы счастлив.

- В какие моменты жизни ты чувствуешь себя по-настоящему счастливым?

- Мое счастье связано с моими детьми и с творчеством. Исходя из того, что у меня «раздвоение личнос-

ти» - с утра до вечера я занимаюсь другими делами, а пишу по вечерам и детей вижу в основном по вечерам, то и счастья больше вечерами. Работать я начинаю, когда дочка отправляется спать, но часто она стучится в дверь мастерской, заходит ко мне и начинает давать рекомендации, к примеру: «А почему, папа, только одно яблоко висит на дереве?»

- И папа пририсовывает второе яблочко?

- Случалось, что по ее советам я менял какие-то детали, потому что она бывает очень настойчива в своих требованиях.

- Представь, что мы с тобой не виделись лет десять. Конечно, я желаю тебе и себе здоровья, прежде всего, но что бы ты хотел при встрече через десять лет ответить мне на вопрос: «Рамаз, как дела?»

- Пути Господни неисповедимы, и далеко идущих планов нет, живешь сегодняшним днем. Но мне бы хотелось в ответ на твой вопрос: «Как живешь?» - сказать что-то смешное и глупое, типа: «Нерегулярно», и хотелось бы так ответить с позиции довольного своей судьбой человека.

Рамаз Размадзе – не из тех людей, которые живут легкой душевной жизнью. Вообще, как заметил классик, «жизнь устроена проще, обиднее и не для интеллигентов». Облегчить жизнь человеку, глубоко думающему, обостренно чувствующему, большому труженику и очень ответственному мужчине, сложно, но, наверное, можно... А я могу лишь отшутиться, как это предпочитает делать и сам Рамаз. Когда великая Татьяна Пельцер замечала, что артист невесел, не в настроении, она любила подбодрить: «Не горюй! У тебя еще все сперед!»

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

УТРАТА

Ирина Александровна Гоциридзе – настоящий деятель, изумительная, честнейшая личность, преданная своему делу. Долгие годы она занималась ТЮЗом, при ней это был прекрасный театр. Она приглашала замечательных режиссеров, которые ставили хорошие спектакли. Ирина была моим заместителем в Союзе театральных деятелей Грузии, и я ее называл министром иностранных дел театрального общества, ведь она была связана со многими деятелями культуры далеко за пределами Грузии, мостом между грузинской и русской культурами. Ее обожали в России, Армении, Азербайджане - повсюду... Свою дружбу с представителями культур разных стран она пронесла через всю свою жизнь, невзирая на политические и общественные перемены.

Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Хороший руководитель сегодня – большая редкость. И я заново оценил деятельность Ирины Гоциридзе. Она была в первую очередь человеком, безумно влюбленным в театр. У Ирины Александровны была такая замечательная амбиция - она хотела вывести наш ТЮЗ на международный уровень. Она успела сделать огромное дело – построить здание театра.

Она была очень предана СТД Грузии. Несмотря на то, что работала заместителем председателя Союза театральных деятелей Грузии, главным ее детищем все-таки был ТЮЗ. Помню презентацию театра, которую ей удалось совместить со съездом АССИТЕЖ. Многие звезды мирового детского театра приехали тогда к нам. Ирина Александровна взяла на себя ответственность провести конгресс АССИТЕЖ в Тбилиси, ТЮЗе. Ее творческим и организаторским

амбициям отвечал такой режиссер, как Адольф Шапиро. Ирина Гоциридзе пригласила его, и он поставил замечательный спектакль «Бумбараш». Он стал, как говорят, бомбой. Ирина Александровна гордилась им, считала, что лучшего спектакля у нас в театре не было! Горько, что ее уже нет с нами.

Ника ДЖАНДИЕРИ

Первый раз я увидела ее, когда бабушка привела меня за руку в литературно-драматический кружок Дворца пионеров. Нас встретила руководитель кружка, молодая красивая женщина - Ирина Александровна Гоциридзе. Воспоминания детства всегда бывают очень яркими. Или очень хорошими, или очень плохими. Мое «кружковское» детство оставило только хорошие воспоминания. Это было началом моей творческой биографии, направленной опытной рукой Ирины Александровны.

Ирина Александровна обладала особым даром общения с молодежью. Став директором тбилисской 43-й средней школы, она в короткий срок сделала ее одной из лучших школ республики. После школы она много лет проработала директором ТЮЗа, который при ней буквально расцвел и своими успешными гастролями стал известен во всей большой стране и за ее пределами. Будучи в Москве, я узнала, что Ирина Александровна стала заместителем председателя Союза театральных деятелей Грузии. Она много сделала для сохранения театральных связей на постсоветском театральном пространстве. Это была ее последняя должность, в которой она осталась до конца жизни.

Мы долгое время не встречались, хотя любили и помнили друг о друге. Встретились пятнадцать лет назад и опять стали дружить. Я, уже совсем взрослая, и она, взрослая, но молодая, любящая людей, очень за них переживающая и помогающая им. Интерес к людям не покидал ее до последних дней. Очень тяжело было видеть, как с каждым днем из нее уходила жизнь. На твоих глазах, на твоих руках. Только лицо оставалось живым, ярким и красивым. Она вообще была красивым человеком. Во всем и всегда. С ее уходом осиротели не только дочь Марина и любимый внук Гоги. Осиротели очень многие. И очень многие сохраняют любовь и память об этом удивительном человеке. И многим, как и мне, очень трудно говорить о ней в прошедшем времени. Была, любила, мечтала, работала, жила... И не надо так говорить. Потому что, пока есть мы, те, с кем Ирина Александровна общалась, кому отдала свое сердце, она будет всегда не в прошедшем времени, а во времени настоящем.

Инга ГАРУЧАВА

Дорогие наши Марина и Гоги! Вместе с Вами скорбим и плачем по поводу кончины любимой Ирины. Она всю жизнь была нами любима и почитаема. Она – Великая женщина. Низко склоняем головы перед ее памятью.

Пусть земля ей будет пухом. Всем родным и близким наше большое сочувствие.

Президент Международной Конфедерации театральных союзов Валерий ШАДРИН, Галина КОЛОСОВА, Алла ЗОРИНА, Нора КУТАТЕПАДЗЕ и другие.

Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С.Грибоедова и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

объявляют о проведении консультаций

для учащихся выпускного класса школ Грузии, желающих поступить в русскую группу факультета драмы Тбилисского государственного университета театра и кино им.Ш.Руставели. Консультации проводят творческие работники и ведущие актеры театра.

Абитуриенты, прослушавшие цикл консультаций, получают приоритетное право при зачислении в театральный университет.

Консультации проводятся 15 числа каждого месяца с 15 до 17 часов в здании театра имени А.С.Грибоедова по адресу: пр.Руставели,2 (вход со двора). Консультации бесплатные.

Справки по телефону: 99 77 06
www.russianclub.ge

Администрация театра

Санкт-Петербург. Летний сад. Амур и Психея
Джулио Картари(?). Конец XVII в.